

Стандарт возмездия

Автор:

Чингиз Абдуллаев

Стандарт возмездия

Чингиз Акифович Абдуллаев

Большие деньги – страшная вещь, а наркотики – очень большие деньги. Чудовищными преступлениями сопровождается переправка партии наркотиков в Европу. Спец-оперативники уже взяли след бандитов, но из переплета, в который они попадают, трудно выйти живым. Чтобы выполнить задание и спасти тысячи жизней, им остается одно: быть такими же беспощадными, как и их противники.

Чингиз Абдуллаев

Стандарт возмездия

Вступление

Машина неслась, словно сорвавшаяся с цепи скаковая лошадь. Водители встречных автомобилей в испуге шарахались в сторону, забыв о возможных последствиях. Треск ломающихся бамперов, хруст стекла, крики проклятий сопровождали этот бешеный автомобиль на всем движении по трассе.

Капитан Логинов увидел, как обогнавший его грузовик вдруг резко взял в сторону и, не удержавшись на трассе, резко затормозил, опрокидываясь в кювет. Напарник капитана лейтенант Сыркин только успел выскочить из автомобиля,

когда они увидели возникшую из клубов дыма темно-бежевую «Волгу», казалось, потерявшую не только тормоза, но и своего водителя.

«Машина неуправляема, – мелькнуло в голове у капитана, – либо пьяный, сукин сын, либо накачался наркотиками».

– Нужно его остановить! – крикнул капитан своему напарнику, выходя на трассу.

– Может, угон? – спросил Сыркин.

– Не похоже. За ними никто не едет, – мрачно ответил Логинов, уже поднимая руку в требовательном приказе безумному автомобилю остановиться.

Машина летела, не сбавляя скорости. Очевидно, водитель и не думал останавливаться. Логинов пригляделся. С каждой секундой автомобиль становился все ближе. Похоже, в самом салоне «Волги» что-то происходило. Мелькали тени, словно там, внутри, дрались за право вождения этой ненормальной «антилопы».

Стоявший у автомобиля ГАИ лейтенант Сыркин в нерешительности поднял свой автомат, надеясь испугать неизвестного водителя.

– Стой! – крикнул Логинов, уже понимая, что в салоне идет драка. – Стой, тебе говорят!

Он успел отскочить в сторону, когда автомобиль вильнул на него, едва не сбив капитана, и помчался дальше по трассе.

– Нужно остановить, – сквозь зубы приказал Логинов, бросаясь к своему автомобилю.

Сыркин успел вскочить в уже трогавшуюся машину. Впереди на трассе по-прежнему творилось нечто невообразимое. Уже две машины, столкнувшиеся друг с другом, съехали вниз, и оба водителя с трудом вылезали из автомобилей. Логинов оглянулся. Один был весь в крови.

– Что он делает, сукин сын, – зло пробормотал капитан, увеличивая скорость.

«Волга» неслась впереди, ее по-прежнему бросало из стороны в сторону. Автомобиль ГАИ догонял неустановленную машину. У водителя безумного автомобиля, очевидно, хватило ума убрать ногу с педали газа, и теперь «Волга», значительно потерявшая в скорости, шла прямо впереди них.

– Когда нагоним, стреляй в воздух, – приказал Логинов, – сразу стреляй, не жди, пока я начну переговоры. Пусть тормозят, к чертовой матери!

Сыркин кивнул, доставая автомат.

Логинов прибавил газа, и их автомобиль почти нагнал «Волгу». Но обогнать безумцев было трудно. Теперь уже было видно, что на переднем сиденье дерутся два человека, а машина, потерявшая управление, подчиняется судорожным движениям то одного, то второго водителя, вырывающих друг у друга руль.

– Остановитесь, – закричал Логинов, – стой, тебе говорят! – Сыркин, доставший автомат, выпустил короткую очередь в воздух. Очевидно, кто-то из двоих обернулся, отпуская руль. И в этот момент второй, чисто машинально, дернул руль на себя, выворачивая его в свою сторону. Автомобиль с грохотом съехал вниз, перевернувшись на ходу два раза. Раздался скрежет металла, тупые звуки ударов машины о землю.

Логинов тяжело вздохнул.

– Сейчас взорвутся, – предположил Сыркин. Во внезапно наступившей тишине слова его прозвучали подобно удару колокола.

Логинов резко затормозил.

– Быстрее вниз, – приказал он. Водителям этой машины по-своему повезло. Если бы они опрокинулись в кювет, но по другую сторону, они свалились бы в овраг. Падение с той стороны дороги просто разнесло бы машину на мелкие куски. Автомобиль начал гореть, но взрыва пока не последовало. Кто-то, застонав, пытался вылезти из машины.

Логинов бежал первым. Он добежал до автомобиля и, бесцеремонно схватив вылезавшего, потянул его на себя.

Тот застонал.

- Ноги, ноги, - прошептал незнакомец, - кажется, я сломал себе ноги.

- Нечего было так ездить, - огрызнулся Логинов и потянул сильнее.

Раненый застонал еще громче.

- Кто вы? - спросил он.

- Не волнуйся, еще не ангел, - сказал Логинов, продолжая тянуть раненого дальше от горящего автомобиля. Сыркин, подбежавший к нему, заглянул в машину. Второй пассажир лежал на полу, залитый кровью, и пламя уже пожирало его левую ногу.

- Второй, кажется, готов, - мрачно сообщил лейтенант.

- Какое у вас звание? Как ваша фамилия? - раненый не терял сознания, несмотря на дикую боль.

- Жаловаться будешь, - неприятно усмехнулся Логинов, - ну давай, давай. Капитан Логинов моя фамилия.

- Капитан, у меня в кармане документы. Их нужно доставить в Бюро координации. Вы меня поняли? В Бюро координации.

- Какое бюро? - не понял капитан, начиная осознавать, что здесь произошло нечто большее, чем просто автомобильная авария.

- Бюро координации. Полковнику Максимову. Только ему, лично в руки. Понимаешь, только ему в руки. Запишите телефон.

- Я запомню, - кивнул капитан.

– Запиши, – выдохнул раненый, – быстрее, у меня мало времени. – Логинов положил незнакомца на землю и достал ручку. Раненый, закрыв глаза, пробормотал телефон. – Документы у меня в кармане, – добавил он.

– Сейчас я тебя в больницу отвезу. Будешь еще на свадьбе танцевать, – засуетился Логинов, окончательно осознав, что попал в очень неприятную историю. Теперь ему больше всего не хотелось, чтобы этот незнакомец умер прямо здесь, рядом со своим автомобилем.

– Оставь, капитан, – у раненого изо рта уже шли кровавые пузыри, – у меня две пули в животе. Я все равно уже... – Он дернулся и затих.

Логинов с уважением посмотрел на умершего. Значит, он с двумя тяжелыми ранениями живота и с переломами ног мог еще думать о каком-то важном для него деле. Капитан наклонился и закрыл глаза погибшему. Потом постоял немного и, пошарив в карманах умершего, вытащил конверт. К нему подошел Сыркин.

– Сукины дети, – убежденно сказал лейтенант, – наверное, были пьяные. Чего ты возишься с этим мерзавцем? Если подохнет, нам будет лучше, не придется его возить в больницу, вызывать «Скорую помощь». А второй уже готов. Его вообще оттуда не достать.

Логинов снял фуражку.

– Ты чего, очумел? – удивленно спросил Сыркин.

– Это герой, – кивнув на лежавшего перед ними незнакомца, убежденно сказал капитан, – в него два раза стреляли, а он не отпустил руль. Перевернул машину, но не сдался. Он настоящий герой.

– Что он тебе сказал? – спросил лейтенант. Логинов заколебался. Он не был суеверным человеком, работа в ГАИ делала любого циником и прагматиком. Да и к тому же, находясь на трассе, он вдоволь насмотрелся на изувеченные трупы погибших в авариях людей. Но мужество незнакомца его потрясло.

– Ничего, – сказал он, – просто просил передать конверт его знакомым.

Конверт лежал у Логинова в кармане, и он точно знал, что сегодня позвонит неизвестному полковнику Максимову в таинственное Бюро координации. Он сделает это хотя бы из уважения к погибшему.

Глава 1

Эти дачи стояли рядом друг с другом, словно соперницы на подиуме, поражая случайных гостей великолепием своих нарядов. В домах, напоминавших небольшие дворцы, могли жить только очень состоятельные люди. Собственно, весь поселок, возникший здесь в середине девяностых, и строился в расчете на богачей. Мощная система ограждений, высокие заборы, тяжелые массивные двери, вооруженные охранники и злые собаки обеспечивали покой новоселов. Владельцы особняков, соседи по даче, как правило, не знали друг друга и не горели особенным желанием узнать что-либо о владельце соседнего строения. Любопытство в этом поселке не поощрялось. Оно было предосудительным. Никто не спрашивал – откуда, на какие деньги и каким образом возводились эти дома. Все только хорошо понимали, что получить участок и разрешение на строительство в таком месте означало быть причисленным к категории «небожителей». И по своему политическому весу, и по масштабам своего состояния.

У одного из самых внушительных и добротных из возведенных здесь за последние годы строений мягко затормозила подъехавшая машина. В этих местах предпочитали «Мерседесы» и «Роллс-Ройсы», изредка появлялись на «Вольво» или «Ягуарах». На скоростных «БМВ» катались в основном охранники, сопровождавшие своих хозяев в других машинах. Подъехавший автомобиль не принадлежал ни к одной из категорий вышеперечисленных марок автомобилей. Это был «Рено Сафране», модель, способная удовлетворять лишь подлинных гурманов. Малоизвестная в мире подобная модель «Рено» по своей категории относилась к экспрессам правительственного класса, но почти не была известна в Москве, где предпочитали покупать представительские автомобили других известных компаний.

Сидевший за рулем водитель нетерпеливо просигналил, и только тогда рядом с воротами открылась калитка, из которой вышел молодой человек в камуфляжной форме, недоверчиво глядевший на подъехавшую машину. Рядом с

водителем сидел еще один человек. По его внешнему виду, почти сросшимся бровям и массивным плечам можно было догадаться, какую должность он занимает. Сидевший на заднем сиденье человек был его полной противоположностью. Среднего роста, тщательно причесан, несмотря на заметные плечи, пробивавшиеся среди приглаженных волос, с аккуратно подстриженной бородкой и усами. На нем был очень дорогой костюм. Однако он был без галстука, словно владелец изысканной рубашки забыл надеть полагающийся к такому костюму не менее изысканный галстук. На вид ему не больше сорока – сорока пяти лет. Когда автомобиль затормозил, он недовольно нахмурился.

– Их должны были предупредить, – строго сказал он, – почему они нас задерживают?

– Мы не назвали им номера и марки машины, – чуть виновато заметил его охранник, вылезая из автомобиля, – я сейчас им все объясню.

Человек, к которому он обращался, раздраженно пожал плечами. Телохранитель вернулся через несколько секунд.

– Все в порядке, агаи, – весело сказал он, – их предупредили, но не сказали, на какой именно машине мы приедем.

– А ты знаешь русский язык? – подозрительно спросил человек, которого он назвал агаи.

– Только несколько слов. Я просто показал, что им должны были звонить, – испугался телохранитель. Ворота медленно открывались, очевидно, управление было автоматическим. Автомобиль въехал во двор, направляясь по широкой гостевой аллее к стоявшему среди деревьев большому дому. Человек на заднем сиденье подвинул к себе лежавший рядом с ним «дипломат», задумчиво посмотрел в окно. В этом году весна в Москве наступила чуть раньше обычного. Машина затормозила у дома, где уже стояло несколько человек. Молодые люди со свинцовыми взглядами, рассыпавшиеся вокруг дома, не интересовали приехавшего. Он взял «дипломат» в левую руку и, дождавшись, пока телохранитель откроет ему дверь, вышел из машины.

– Добрый день, – протянул ему руку пожилой человек, лет шестидесяти, очевидно, хозяин дачи, – как долетели?

– Все в порядке, – сказал по-русски приехавший.

– Это наш друг, – показал на молодого человека рядом с собой хозяин.

Гость протянул руку и ему.

После чего все трое вошли в дом, а трое охранников наконец несколько расслабились.

Внутренность дачи вполне соответствовала ее наружному виду. Они миновали большую гостиную на первом этаже с двумя каминами и прошли к небольшому кабинету, расположенному в правом углу дачи. Здесь также стоял камин, было расставлено несколько глубоких массивных кожаных кресел и играла негромкая музыка.

– Мы включаем генераторы шумов, – улыбнулся хозяин, – чтобы нас не могли подслушать. Необходимая предосторожность. Прошу вас, мистер Зардани.

Гость сел в стоявшее кресло, после чего напротив него сели двое его собеседников.

– Это Михаил Анатольевич, – показал на своего более молодого гостя хозяин, – тот самый, о котором я вам говорил.

– Очень приятно, – по-русски Зардани говорил неплохо, но с явным акцентом, выдававшим в нем восточного человека. По его внешнему виду можно было догадаться, что он принадлежит к мусульманской стране, где свято чтут традиции, не разрешавшие надевать «западную удавку» в виде галстука. Если учесть, что почти во всех мусульманских странах даже короли и принцы надевали либо национальные одеяния, либо костюмы с галстуками, то нетрудно было вычислить, откуда он приехал. Только из Ирана мог приехать сегодняшний гость.

– Михаил Анатольевич как раз представляет то самое ведомство, о котором мы с вами говорили, – пояснил хозяин дачи. Зардани еще раз кивнул головой.

– Мы можем поговорить обо всех деталях нашего контракта откровенно и прямо. Здесь все свои, – сказал хозяин, сделав ударение на последнем слове.

– Спасибо, – улыбнулся Зардани, – вы всегда были нашим большим другом. К сожалению, наши прежние компаньоны не отличались добросовестностью и честностью, из-за чего была сорвана наша последняя сделка.

– Можете не сомневаться, у нас накладок не бывает, – довольно бесцеремонно сказал молодой человек. У него были светлые волосы и неприятные зеленовато-серые глаза. При этом он не мигая смотрел на собеседников.

– Речь идет об очень большом грузе, – сказал Зардани, – об очень большой партии. Мы не можем рисковать. Если по каким-либо причинам груз не будет доставлен вовремя, никакая неустойка не сможет нам компенсировать ущерб. Мне даже трудно сказать, какую именно неустойку нам придется заплатить. Однако если вы можете гарантировать доставку груза, мы готовы заплатить десять процентов от общей суммы. – Его собеседники переглянулись.

– А какова общая сумма поставляемого товара? – спросил хозяин дачи.

– Сто пятьдесят миллионов долларов, – бесстрастно сказал гость, с удовлетворением глядя на изменившиеся лица сидевших напротив него людей.

– Это очень крупная сумма, – хрипло сказал хозяин, переводя дыхание. Сумма произвела на него впечатление. – И вы хотите сказать, что готовы заплатить за провоз груза пятнадцать миллионов долларов?

– Да, – подтвердил Зардани, – но только когда груз пройдет через вашу территорию и попадет в Европу.

Хозяин дачи чуть дрожащей рукой вытер пот. Посмотрел на сидевшего справа от него молодого человека. Тот упрямо закусил губу и покачал головой.

– Нет, – сказал он, – так не пойдет. Большую часть риска мы берем на себя. Двадцать процентов. И мы отвечаем за перевозку груза.

Зардани поднял правую бровь, что было выражением самого большого удивления.

– Двадцать процентов? – сказал он, прекрасно разыгрывая изумление. – Вы сказали – двадцать процентов? Но это почти половина всей прибыли, которую мы получаем. Не забывайте, что груз еще нужно доставить вам и проконтролировать его дальнейший путь в Европе, обеспечив надежной охраной. Это несерьезно. Такую сумму мы не сможем заплатить.

Хозяин дачи неодобрительно взглянул на своего молодого друга. Ему показалось, что тот необоснованно завысил цену.

– Двадцать процентов, – упрямо повторил молодой человек, – иначе мы не сможем договориться.

Зардани пожал плечами.

– Очень жаль, – спокойно сказал он, – мы рассчитывали на сотрудничество с вами.

Хозяин испугался, что гость сейчас может уйти.

– Что вы будете пить? – по привычке, чисто механически спросил он, намереваясь как-то разрядить обстановку и придвигая к себе столик с напитками. Лишь заметив веселое выражение лица своего гостя, он спохватился: – Простите, я имел в виду безалкогольные напитки.

– Только воду, – улыбнулся Зардани.

Хозяин дома протянул ему фужер, наполненный минеральной водой без газа. Потом посмотрел на второго гостя.

– А вы что будете пить?

- Виски, – буркнул тот, – и без содовой.

«Плебей», – разочарованно подумал хозяин, открывая бутылку шотландского дымчатого виски. Щедро плеснув виски в круглый стакан, он протянул его молодому человеку. Себе он налил немного коньяка.

- За успех, – провозгласил он тост. Зардани кивнул и вежливо отпил два глотка минеральной воды. Михаил Анатольевич хмуро выпил почти весь стакан. Хозяин дома отставил рюмку коньяка недопитой.

- Ваша последняя цена? – пробормотал он, глядя на Зардани. – Мы же не будем торговаться. – Зардани взглянул на него. Уловил его нерешительность, увидел, как покраснело лицо молодого коллеги хозяина.

- Двенадцать процентов, – сказал он достаточно твердо, – больше мы просто не можем заплатить.

- Восемнадцать миллионов долларов, – подвел итог хозяин, – интересное предложение...

- Двадцать, – не дал ему закончить молодой человек, – мы гарантируем проход груза по нашей территории. Вернее, по всей территории нашей зоны.

- Включая Казахстан и Белоруссию? – быстро уточнил Зардани.

- Да, – кивнул молодой человек, – включая и эти страны.

Гость почти не раздумывал.

- Хорошо, – сказал он, – можно считать, что мы договорились. Но с вашими гарантиями. Вы обязуетесь возместить любую часть груза, если по каким-либо причинам он не дойдет до Бреста.

- Насчет этого можете не беспокоиться. Мы всегда готовы предоставить подобные гарантии, – заверил его заметно повеселевший хозяин дачи. Он, видимо, подсчитывал свою долю прибыли.

– Хорошо, – кивнул Зардани, – теперь поговорим о нашем расчете. Как вы представляете себе эту часть нашей работы? – Хозяин хотел что-то сказать, но его молодой напарник перебил его:

– Половину до, половину после.

– Это несерьезно, – во второй раз произнес Зардани, – нигде в мире нет таких условий оплаты.

– Ваши условия? – устало спросил хозяин дачи, неприязненно взглянув на настырного напарника. Он уже жалел, что впутался в дело с подобным типом.

– Мы выплачиваем аванс в размере пяти процентов. Когда груз пройдет Казахстан – еще пять процентов. Когда он будет на границе с Белоруссией – еще десять процентов. Остальные деньги после того, как груз окажется за Брестом. Именно так мы и рассчитывались всегда со своими компаньонами. Все деньги будут выплачены наличными. Вы ведь не любите иметь дело с банками? – На этот раз молодой человек промолчал. Он просто посмотрел на хозяина и незаметно кивнул головой. Условия были приличными. И очень приемлемыми.

– Да, – сказал за обоих хозяин, – мы согласны.

Гость подвинул к нему свой «дипломат», лежавший на соседнем кресле.

– Здесь аванс, – объяснил он, – как раз ровно миллион долларов.

Михаил Анатольевич нахмурился.

– Вы заранее знали, что мы договоримся о такой сумме? – обиженно засопел он.

– Нет, – мягко ответил Зардани, – просто это была предельная сумма, на которую я мог согласиться.

Хозяин кивнул головой.

– Все в порядке, мистер Зардани. Можете прислать вашего представителя для уточнения маршрута и деталей перевозки. С этого момента мы берем на себя

все заботы о вашем грузе.

Гость поднялся с кресла. Слегка поклонился.

– Я был уверен, что мы сумеем договориться, – сказал он на прощание, – мой представитель свяжется с вами.

– Мистер Зардани, – вдруг спросил Михаил Анатольевич, – а что случилось с вашими прежними компаньонами? Вы сказали, что прервали с ними контакты. Надеюсь, они нам не могут помешать? – Зардани повернулся к нему.

– Не могут, – убежденно сказал он, – они нам никак не помешают, хотя бы потому, что никого из них уже давно нет в живых. Вас еще что-нибудь интересует?

– Нет, – угрюмо ответил Михаил Анатольевич, – я все понял.

– Очень хорошо. Мне хотелось бы, чтобы и в этом деликатном вопросе вы нас поняли правильно. Это очень большие деньги, и мы не можем так просто их выбрасывать на ветер. Мне говорили, что в Москве убийство человека стоит десять тысяч долларов. Значит, за первый миллион, который я вам сегодня оставил, можно было бы убрать ровно сто человек. Запомните, господа, ровно сто человек. До свидания. – Он не протянул руку, лишь холодно кивнул на прощание.

– Я вас провожу, – бросился за ним хозяин.

Они вышли из комнаты. Оставшись один, Михаил подошел к креслу, где лежал «дипломат», наклонился, открыл его. Тугие пачки денег резали глаза. Он взял одну пачку, сорвал обертку. Деньги были новые, словно только что отпечатанные. Он понюхал деньги.

– Сукин сын, – громко сказал он, вспомнив заказчика. И, бросив пачку обратно, закрыл «дипломат».

Глава 2

Нестерпимо болела голова. С раннего утра, когда он вышел из дома, забыв взять свою кепку. Ночью, вернувшись домой, он искупался, а рано утром вышел, не взяв головного убора. Очевидно, это сказалось, и голова болела как никогда сильно. Не помогла даже таблетка аспирина, принятая им вчера вечером. Он раздраженно отбросил ручку и в который раз помассировал голову. Закрыв глаза, пытаясь успокоиться. Скоро появятся его сотрудники, и ему необходимо прийти в себя до того, как они войдут в его кабинет.

Полковник снова потер голову. Нужно будет принять еще одну таблетку. На этот раз чего-нибудь по сильнее. Он не хотел признаваться даже самому себе, что на его самочувствии сказывались последствия напряженной работы последних дней, когда все сотрудники его группы почти не уходили домой, ожидая сообщений от майора Алимова. Они сидели здесь сутками, забывая о сне и отдыхе. Полковнику Максимову шел сорок седьмой год. Более двадцати лет он проработал в органах государственной безопасности, придя сюда еще совсем молодым человеком, выпускником элитарного Московского института международных отношений. Он пришел в КГБ в конце семидесятых, когда эта всемогущая организация занимала особое место в системе государственных органов огромной империи, а стоявший во главе КГБ легендарный Юрий Андропов был символом и олицетворением несокрушимости того строя, которому служил. Но перемены уже зрели на глазах.

В переломные восьмидесятые, когда страна с нерешительным капитаном напоминала корабль, несущийся в ураганном океане без рулевого, Максимов занимался проблемами борьбы с наркомафией, особенно обнаглевшей в период усиливающегося развала и хаоса внутри страны.

Когда к управлению страной пришел новый Генеральный секретарь, молодой и энергичный, казалось, подаривший новые надежды уже исчерпавшей запасы поступательной энергии стране, капитан Максимов работал во Втором Главном управлении КГБ СССР. В те дни, когда миллионы людей волновались у телевизоров, комментируя бурные заседания Первого съезда народных депутатов, майор Максимов находился в длительной командировке на Дальнем Востоке, помогая местным органам безопасности и МВД ликвидировать крупную банду торговцев наркотиками, действующую в районе советско-китайской границы.

Когда в августе девяносто первого вся страна определялась, куда повернуть и каким будет будущее огромной империи, подполковник Максимов находился в маленьком узбекском городке, обнаружив крупную партию опия, уже готового к отправке в европейскую часть страны. Он даже не подозревал, что отныне работает за рубежом, так как развал страны неизбежен. Вернувшись домой двадцать пятого августа, он попал в другую страну и в другой КГБ, в котором за два дня успело смениться три руководителя: Крючков – Шебаршин – Бакатин.

Максимов не стал выбрасывать свой партийный билет. Он привычно аккуратно и спокойно делал свое дело, хотя развал органов государственной безопасности был для него более впечатляющим моментом в общей картине развала страны. КГБ был разгромлен, предан, оболган. Из него увольнялись лучшие сотрудники и профессионалы. Под хохот и насмешки иностранцев Бакатин разваливал одну из лучших спецслужб мира. Отпочковались пограничные войска, затем образовалось Федеральное агентство правительственной связи.

Разведка, бывшее Первое Главное управление КГБ, была также реорганизована в самостоятельное ведомство, и это в конечном итоге спасло тысячи разведчиков от неминуемого краха. Пришедший к руководству в разведке академик Примаков, по существу, спас эту организацию от тотального нашествия «демократов», считавших развал собственной страны огромной победой. Очень скоро, когда вал преступности захлестнул российские города, многие обыватели с ужасом поняли, что армия и правоохранительные органы, кроме идеологических установок, уже забытых к этому времени, обеспечивали необходимую стабильность и порядок в стране.

К этому времени было принято решение об объединении МВД и остатков КГБ в единое суперминистерство. Когда по решению суда это идиотское постановление было отменено, из того, что осталось в КГБ, было создано Министерство национальной безопасности. Но затем кто-то на самом высшем уровне принял решение о ликвидации и этой структуры, образовав вместо нее Федеральную службу контрразведки. Подполковник Максимов к этому времени был переведен в МВД.

Считалось, что ФСК не обязана заниматься экономическими преступлениями, борьбой с наркомафией. В самой ФСК было даже ликвидировано следственное управление, и лучшие следователи страны были либо переведены в милицию, либо просто изгнаны из рядов правоохранительных органов.

Позднее ФСК была переименована в ФСБ, затем восстановили следственные отделы. И наконец, вспомнив о бывших специалистах, в ФСБ вернули и подполковника Максимова, снова поручив ему привычный участок работы. К этому времени интеграционные процессы в СНГ начали набирать обороты, экономическое сотрудничество стало развиваться по нарастающей, страшный шок от развала некогда единого государства прошел, и на повестке дня реально встал вопрос о координации действий правоохранительных органов по борьбе с наркомафией, привычно орудующей на пространствах бывшего Советского Союза и вольготно использующей прозрачные границы внутри стран СНГ.

На одном из заседаний глав государств СНГ и было принято решение о создании Специального бюро координации для обмена информацией и реальной борьбы в рамках СНГ с окончательно обнаглевшей международной мафией, уже прорвавшейся в Европу, Азию и Америку. Руководителем Специального бюро, или СБК, как его сокращенно называли, был рекомендован генерал Ларионов, работавший до этого в Министерстве внутренних дел России. А его заместителем также единодушно был утвержден полковник Максимов, успевший к этому времени получить следующее звание и зарекомендовать себя в качестве лучшего специалиста по проблемам борьбы с международной наркомафией.

В состав СБК были рекомендованы специалисты из всех стран СНГ для успешной координации работы в рамках всего Содружества. Привычно считалось, что СБК будет выполнять лишь роль информационного центра, обрабатывающего поступающие данные и выдающего необходимые рекомендации местным правоохранительным органам. На деле все получилось несколько иначе. С самого начала сотрудникам СБК пришлось заниматься и другими функциями, не заложенными в их деятельность при образовании СБК. Хаос и развал, царившие внутри СНГ и в каждой из стран в отдельности, не позволяли выполнять лишь роль стороннего наблюдателя, высылающего академические рекомендации.

К этому времени в составе Специального бюро уже работало более пятидесяти человек из разных стран СНГ, образуя своего рода региональный Интерпол на территории бывшего Советского Союза со своими очень специфическими проблемами, учитывая схожие условия развития и менталитеты государств – членов СНГ. В дополнение ко всему, у СБК были свои сложности в работе. Местные правоохранительные органы государств СНГ весьма неохотно шли на любые контакты с СБК, подозревая, что эта региональная организация стремится присвоить себе права некоего контролирующего органа, привычно

руководившего из Москвы. Приходилось учитывать и эту болезненную точку зрения, высылая рекомендации и предложения по различным вопросам. Единственное, что радовало в подобной ситуации, это сами профессионалы СБК. Среди сотрудников Бюро подобрались различные люди из разных стран СНГ, и это были настоящие мастера своего дела, немного фанатики, как и подобает подлинным профессионалам, отлично знающие не только местные проблемы, но и умевшие масштабно мыслить в рамках огромной территории СНГ. Сотрудники СБК считались членами международной организации, имели дипломатические паспорта и располагали необходимой экстерриториальностью для выполнения своих сложных задач.

Но вот уже несколько дней, прошедших после смерти их сотрудника, полковник никак не мог успокоиться. Он не мог привыкнуть к этим потерям, которые они несли в полном соответствии с почти фронтовой обстановкой, царившей в СБК, где за два с половиной года после основания Бюро погибло четверо сотрудников. И вот уже несколько дней Максимова занимала только одна проблема, над которой они напряженно работали всем Бюро. Заболевший некстати генерал Ларионов по нескольку раз звонил своему заместителю, требуя отчета и напоминая о необходимости действовать как можно оперативнее. Именно поэтому Максимов и назначил совещание на этот день, решив, что необходимо наметить более конкретный график действий сотрудников Бюро.

В состав Бюро входило несколько отделов, однако самым сложным участком был оперативный отдел, в котором и погибло трое из четверых сотрудников Бюро за прошедшие годы. Сотрудники оперативного отдела, часто рискуя жизнью, на местах проверяли получаемую информацию. При абсолютной, стопроцентной коррупции и всевластии местных органов, давно превратившихся в мафию, делать подобные проверки было не только небезопасно в личном плане, но и могло вызвать скандалы среди стран – членов СНГ. Именно поэтому сотрудники оперативного отдела действовали на местах практически автономно, рассчитывая лишь на собственные силы.

В конечном итоге Бюро выдавало рекомендации местным национальным органам или высылало сообщения о вероятных кризисных ситуациях в том или ином районе. Все сообщения санкционировались специальным Советом, созданным в рамках СНГ и состоявшим из министров внутренних дел государств – членов СНГ.

Сейчас перед Максимовым лежало личное дело Юсуфа Алимова, погибшего несколько дней назад, но сумевшего перед смертью передать в Бюро конверт с подробным изложением готовящейся чрезвычайно опасной акции наркомафии. Алимов пытался нелегально внедриться в ряды торговцев наркотиками, но, очевидно, оказался раскрытым на каком-то этапе. Максимов знал, что Алимова пытались застрелить в автомобиле и убийца несколько раз выстрелил в майора. Но тяжело раненный майор сумел перехватить у него руль и, опрокинув автомобиль, убил профессионального киллера. Алимов успел передать конверт сотруднику ГАИ, который и доставил его в Бюро, рассказав о том, как погиб майор Алимов.

- Товарищ полковник, - заработал его селектор, - к вам сотрудники оперативного отдела.

- Все собрались? - негромко спросил полковник.

- Все, - ответила девушка и чуть тише добавила: - Кроме Алимова.

- Пусть войдут.

В кабинет один за другим стали входить сотрудники оперативного отдела Бюро координации. Возглавлял отдел подполковник Сабельников из Мордовии. Его перевели в Москву всего два года назад, но он уже успел показать себя опытным профессионалом и в прошлом году был рекомендован на должность руководителя оперативного отдела Бюро. Его заместителем считался подполковник Матюшевский, которого прислала Белоруссия. Николай Матюшевский, приехавший в Москву два года назад, особенно тяжело переживал расставание со своими внуками, оставшимися в Минске. Несмотря на относительно молодой возраст - подполковнику было всего сорок четыре года, - он уже имел троих внуков от двух дочерей и выглядел бравым дедушкой в свои годы.

В отдел входил и майор Султан Ашимбаев из Казахстана. Неторопливый, кряжистый, вдумчивый, всегда молчаливый и сосредоточенный, он был известен в Алма-Ате как один из лучших специалистов по борьбе с наркомафией. Майор Георгий Чумбуридзе долгие годы работал в Москве и лишь в начале девяностых переехал в Грузию. Его возвращение в Москву, где он чувствовал себя гораздо увереннее, чем в Тбилиси, прошло спокойно и без возможных притирок.

Мощный, широкоплечий, с уже выступающим животом, бывший спортсмен, Чумбуридзе обладал к тому же большими связями по прежней работе в МУРе.

Третьим майором в отделе был погибший Алимов. Он и приехал сюда из Киргизии одним из первых, еще когда создавалось Бюро. Еще четыре капитана представляли свои республики. Абдулло Шадыев из Таджикистана, Рустам Керимов из Азербайджана, Эдуард Айрапетян из Армении и оказавшая здесь своеобразным представителем Молдавии Надежда Виноградова, из Кишинева переехавшая в Москву еще до развала Советского Союза и рекомендованная в Бюро самим Максимовым, успевшим познакомиться с молодой женщиной во время совместной недолгой работы в МВД.

Из российского ФСБ в отдел был рекомендован старший лейтенант Двоеглазов. В первые месяцы Максимов опасался возможных споров, недопониманий между сотрудниками оперативного отдела. Особенно он беспокоился за Айрапетяна и Керимова, представлявших две республики, по-прежнему находившихся в состоянии вооруженного конфликта друг с другом. Но оба профессионала предпочитали на работе не заводить речь о наболевшем, избегая столь сложной темы. У обоих сложились ровные дружеские отношения, и Максимов уже через два месяца спокойно поручал обоим офицерам совместные командировки в другие районы СНГ.

Когда все вошедшие в комнату офицеры расселись за столом, Максимов оглядел присутствующих, поднялся и коротко сказал:

– Предлагаю почтить память нашего товарища, майора Алимова, погибшего при исполнении служебных обязанностей.

Все встали. Минутное молчание, скорбь на лицах и ненависть в глазах.

– Садитесь, – разрешил Максимов, – начинаем.

Сразу поднялся Сабельников.

– Сидите, – махнул ему Максимов, – мы вас слушаем.

– Зардани был в Москве несколько дней назад. Из ФСБ передали, что он проживал в отеле «Метрополь». Дважды уходил от наблюдения сотрудников ФСБ. Вернее, они так считают. Его представительский «Мерседес» уезжал без него, бесцельно кружил по городу, отвлекая на себя внимание сотрудников ФСБ.

– Тоже мне профессионалы, – покачал головой Максимов, – не могли вычислить, где он находится?

– Они считают, что он уходил через иранское посольство. Машина въезжала во двор и потом выезжала. Стекла затемненные, ничего увидеть не удавалось. А он благополучно выезжал на втором автомобиле в другую сторону. Сотрудники ФСБ не могут входить на территорию посольства.

– Он посещал посольство Ирана? – удивился полковник.

– В том-то и дело. Это обстоятельство и смутило сотрудников ФСБ. С одной стороны, Зардани уже несколько лет не появляется в Иране, где к его деятельности относятся, мягко говоря, не очень позитивно. С другой стороны, он сам едет в посольство, что позволяет предполагать некоторую связь Зардани с иранскими властями.

Максимов задумчиво покачал головой.

– Они всегда бескомпромиссно боролись против наркотиков, – сказал он, – а вы что думаете, капитан Керимов?

Приехавший из Баку капитан был высокого роста, темноволосый, красивый. Максимов уже заметил, что молодой человек пользуется определенным успехом у женщин.

– Не может быть, – убежденно сказал Керимов, – иранское правительство почти ежемесячно устраивает показательные казни торговцев наркотиками, курьеров и организаторов. Для них наркотики – эта прямая дорога в ад. Режим в Тегеране борется с наркомафией страшными методами. Любого подозреваемого тут же казнят. Нет, они не могут иметь ничего общего с Зардани.

– Тем не менее он приехал в посольство, где не был уже несколько лет, – возразил Сабельников, – и, по оперативным данным ФСБ, даже оделся соответствующим образом. Он снял галстук, чтобы не раздражать иранских чиновников.

– Интересно, – кивнул Максимов, – но, по-моему, Керимов тоже прав. Не может быть, чтобы официальные иранские власти смогли договориться с таким известным наркодельцом, как Зардани. Здесь что-то нечисто. Нужно потрясти ФСБ. Может, они что-то от нас скрывают.

Сабельников улыбнулся.

– Попытаюсь, – сказал он, – но боюсь, ничего из этого не выйдет. Они очень неохотно дают нам любую информацию. Лучше, если вы сами поговорите с Ершовым.

Полковник Ершов заменил самого Максимова после его перевода в Бюро координации.

– Я ему позвоню, – кивнул Максимов, поморщившись. Голова продолжала болеть. – Что у вас, Чумбуридзе?

– У меня есть данные МУРа. По их агентурным сведениям, среди долгопрудненской и измайловской группировок прошел слух о том, что отбирают «бойцов» для какой-то акции в Средней Азии. Платят колоссальные деньги. Говорят, много желающих.

– Готовят «бойцов» для каравана? – понял полковник.

– Уверен, товарищ полковник. И наверняка караван пойдет из Средней Азии.

– В МУРе есть какие-нибудь наработки?

– Вообще-то нет. Но, судя по всему, они готовят специальную акцию, товарищ полковник.

– Какую акцию? – не понял Максимов.

– Хотят внедрить своего агента. Чтобы проверить, все ли на месте, и уточнить, какой именно караван и куда он идет.

– Агента – это правильно, – кивнул Максимов, глядя на своих офицеров, – но боюсь, что всю информацию мы будем получать, как обычно, в очень дозированных порциях и спустя неделю после того, как караван окажется в Европе.

– У каждой службы своя специфика работы, – пожал плечами Чумбуридзе.

– А если мы попытаемся продублировать действия МУРа? – вдруг предложил Максимов. – Это ведь мы первые узнали о готовящемся караване. И нам важно знать, куда он пойдет. У каждой службы свои задачи. В МВД просто хотят обезвредить банду, в ФСБ – уничтожить наркотики и прекратить деятельность Зардани на нашей территории, в Интерполе – узнать связи Зардани в Европе. А наша задача – выявить всю цепочку наркомафии от южных границ СНГ до Бреста. Или хотя бы получить представление, кто именно им помогает в Средней Азии и здесь, в Москве. И поэтому я считаю, что остановить караван должны и наши сотрудники. Не забывайте, что караван может пройти сразу по нескольким странам – государствам СНГ. Это как раз наша задача.

– Не успеем, – убежденно сказал Чумбуридзе, – судя по данным, переданным Алимовым, сделка уже состоялась и Зардани удалось договориться с кем-то о транспортировке грузов из Средней Азии в Европу. Ориентировочно это произойдет через две недели. За такое короткое время выявить, где, когда и куда пойдет груз, да еще и внедрить нашего агента просто невозможно.

– А кто сказал, что мы собираемся внедрять туда агента? – усмехнулся Максимов. – У меня есть одна задумка. Нужно сделать так, чтобы они сами вышли на нашего человека. Нужна приманка для Зардани. За это время мы должны выйти на него самого.

– Это достаточно сложно, – вздохнул Сабельников, – вы ведь знаете, какой он подозрительный. Зардани восточный человек и всегда отличался скрытностью и недоверчивостью по отношению к чужим. Чтобы завоевать его расположение, нужны годы, может, даже десятилетия. У нас нет столько времени. Судя по последнему сообщению Алимова, у нас вообще нет времени.

– Да, – помрачнел полковник, – это верно. Но мы все равно обязаны что-то придумать. Мы новая организация, у нас свои приоритеты. Но, как бы мы ни работали, что бы ни делали, мы обязаны всегда помнить о наших погибших товарищах. Мы обязаны не только помнить, но и отвечать ударом на удар. Ввести некий «стандарт возмездия» для любого, кто посягнет на жизнь наших товарищей.

– «Стандарт возмездия», – повторил за полковником Матюшевский, – красиво звучит.

– Где сейчас Зардани? – спросил Максимов.

– Он улетел в Голландию, – доложил Сабельников, – судя по всему, груз пойдет из Афганистана либо из Ирана. Мы не знаем ни города, откуда они начнут свое путешествие, ни их маршрута.

– Кто был его связной в прежние годы? – спросил полковник.

Сабельников покачал головой.

– Либо все уехали, либо умерли.

– Кто вел дело Зардани в прошлом году, когда он из Санкт-Петербурга перевез у нас под носом огромную партию наркотиков? – спросил Максимов.

– Мы тогда не успели, товарищ полковник, – виновато сказал Матюшевский. Он говорил, мягко выговаривая согласные. – Дело вели местные органы ФСБ и милиции.

– Неужели все связи отрезаны? – спросил Максимов. – Так не бывает. У него в Москве должны были оставаться свои люди, свои связи, которым он хотя бы отчасти доверяет.

– Зардани не доверяет никому, – ответил Матюшевский, – это змея, а не человек.

– В его личном деле есть одна фамилия, – напомнил Чумбуридзе. – Роман Кудрявцев. Раньше в Москве он был известный фарцовщик. А сейчас довольно

состоятельный человек, имеет свой клуб, ресторан. Он и раньше сотрудничал с Зардани. Но мы не знаем точно, помогает ли он Зардани сейчас.

– Нужно послать рекомендацию местным властям в Туркмению, Казахстан, Узбекистан, Киргизию, – предложил Максимов, – предупредить их о подобном грузе. И конечно, в Таджикистан... – Он посмотрел на Шадыева. Тот, поняв его взгляд, кивнул головой.

– В Душанбе опять обострилась обстановка, – сказал Шадыев, – но если нужно, я сам туда вылечу. Через горы они такой груз тащить не будут. Значит, основные дороги известны. Если, конечно, груз действительно пойдет через Таджикистан.

Полковник задумался.

– Меня беспокоит другое, – признался он, – караван может перейти южную границу СНГ, и совсем не обязательно, чтобы дальше груз везли на автомобилях. Они могут довести его до первого российского города и затем спокойно перегрузить на самолет до Бреста. Между Россией и Белоруссией нет таможенных постов, и их тем более нет внутри России. Значит, главная задача каравана – войти в Россию. А дальше мы их уже не сможем остановить. Стало быть, нужно действовать уже непосредственно в Средней Азии, откуда пойдет караван. Алимов не успел выяснить точного места. Но у нас еще в запасе почти две недели. Мы обязаны успеть. Хотя бы из чувства долга по отношению к погибшему товарищу. – Сабельников вздохнул.

– Там сумасшедшие места. В некоторых южных районах полный беспредел, массовая коррупция. Вы же все сами знаете.

– Знаю, – кивнул полковник, – раньше говорили «Дикий Запад», а у нас сейчас «Сумасшедший Восток». Но все равно нужно действовать там. Пускать караван до российских границ нельзя. Мы их здесь просто не успеем перехватить. Ашимбаева и Шадыева прошу связаться с представителями национальных служб безопасности и МВД в Средней Азии. Матюшевского прошу лично заняться отработкой версии Кудрявцева. Все свободны. Чумбуридзе и Керимова прошу остаться.

Когда все вышли, он посмотрел на оставшихся офицеров.

– Нам нужно придумать крючок для Зардани, – сказал он, – и этот крючок должны придумать именно вы, ребята. Чумбуридзе, нам нужно будет продумать легенду. Мы закинем крючок и попытаемся поймать на него крупную рыбу. А уже потом с помощью этой рыбы поймаем и такую акулу, как Зардани.

– Сделаем, – улыбнулся в густые усы майор, – я вас понял.

– Тогда начинаем, – кивнул Максимов, – у нас почти не осталось времени.

Глава 3

В ресторане отеля «Метрополь» по вечерам бывало особенно шумно. Сюда, в центр города, по ночам устремлялись десятки людей, сумевших сделать огромные деньги за то небольшое время в начале девяностых, когда клич «обогащайтесь» был особенно громко слышим. Миллионы людей разорились, но десятки и сотни стали баснословно богатыми, приватизируя государственную собственность, получая в собственное управление государственные заводы и фабрики, нефтяное и газовое оборудование. Гигантские деньги, исчисляемые миллионами и миллиардами долларов, делались на разнице внутренних и внешних цен, когда размеры взятки государственным чиновникам могли исчисляться миллионами долларов, а размеры получаемых прибылей превышали всякое воображение.

Тогда и стали открываться в центре города рестораны и отели, рассчитанные на самых богатых, самых ловких, самых предприимчивых дельцов, успевших правильно и вовремя понять новые правила игры. «Метрополь», «Савой», «Балчуг», «Националь», прежде обветшалые и запущенные гостиницы, перестраивались, превращаясь в высококласные отели, в которых цены зашкаливали за пределы разумного. Начали открываться рестораны, где посетители швыряли за один ужин несколько тысяч долларов.

За столиком, стоявшим в углу зала, сидели трое молодых людей. Они излучали ту наглую уверенность в своем превосходстве, с какой обычно в ресторанах вели себя бандиты или переодетые сотрудники милиции. Судя по мощным бицепсам, бритым затылкам и презрительным взглядам, они принадлежали к первой категории людей, так как у милиции давно не было средств на эксперименты

подобного рода и походы своих переодетых сотрудников в рестораны такого класса.

- Ты уверен, что он придет? - спросил один, тот, что был поменьше ростом.

- Уверен, уверен, - упрямо сказал другой, - и что это ты так дергаешься? Обязательно придет, он сам просил нас сюда приехать. Ты не переживай, Колян, он придет обязательно.

Коля обиженно покачал головой:

- Я и не переживаю. Просто неохота вечер терять. Могли бы девочек снять.

- Это правильно, - поддержал третий, - только Слава верно говорит: если он сам назначил, значит, придет. А если не придет, поедем развлекаться.

Этот был выше ростом и имел очень выразительное запоминающееся лицо с тяжелыми кустистыми бровями и свернутым в сторону носом. Он уже давно смотрел на сидевших в другом конце двух молодых особ и улыбался.

- Кирилл прав, - рассудительно сказал Слава, - чего ты все время дергаешься, Коля? Вечно ты торопишься. Помнишь, как в прошлом году из-за твоей торопливости чуть в засаду не попали?

- Вспомни еще кое-что, - огрызнулся Коля, наклоня голову, - может, расскажешь, как ты в детстве от девочек бегал?

Его собеседник побледнел. Он был гораздо симпатичнее своих напарников и выглядел менее агрессивно. Рыжеватые волосы, правильные черты лица. Только когда он улыбался, щели между редкими зубами портили его лицо. Теперь, усмехнувшись, он сжал вилку.

- Ты мне не шути. Я тебе пошучу.

- Иди ты... - огрызнулся Коля, - видишь, у меня настроения нет, а ты меня цепляешь.

– Ладно, мужики, – кивнул Кирилл, – подождем еще полчаса и отваливаем. Не нравится мне в этом бардаке. У нас в любой забегаловке и девочки лучше, и музыка круче.

– А чего ты вообще сюда приперся? – не унимался Слава, которого, очевидно, задели слова Коли о девочках. – Сидел бы в своей дыре и щупал бы своих прыщавых прошмандовок.

– Ну ты сегодня какой-то ершистый, – угрюмо заметил Кирилл, – я ухожу. Нечего мне здесь больше делать. – И в этот момент Слава толкнул его в бок.

– Он пришел, – тревожно прошептал Слава, показывая глазами на вход, где официант встречал солидного незнакомца лет пятидесяти, одетого в скромный темный костюм. У незнакомца, несмотря на не очень пожилой возраст, была почти седая голова. Глаз не было видно из-за затемненных очков. Он внимательно оглядел всех троих, вскочивших при его появлении, остановился на лице каждого и затем, усмехнувшись, коротко сказал:

– Давайте знакомиться. Меня зовут Афанасий Степанович.

– Коля, – быстро сказал первый.

– Слава, – не очень охотно вымолвил второй.

– Кирилл, – еще менее охотно буркнул третий.

– Очень приятно, – кивнул Афанасий Степанович, – сейчас подойдет мой товарищ, он задержался в гардеробе, и мы начнем беседу. Надеюсь, вы уже в курсе, зачем мы вас сюда позвали?

Они переглянулись.

– Не совсем, – сказал Слава, – нам просто передали, чтобы мы были здесь сегодня вечером, чтобы встретиться с вами.

– Вы меня видели раньше? – уточнил Афанасий Степанович.

– У Горелого, – пояснил Слава, – вы однажды к нему на дачу приезжали, а я там дежурил. Он мне тогда вас и показал.

– Отлично, отлично, – кивнул Афанасий Степанович и обернулся в сторону подходившего к ним человека, – познакомьтесь, это мой друг, мой очень давний и старый друг Константин Цапов. – Подошедший кивнул сидящим молодым людям и сел на стул рядом с Афанасием Степановичем. Он выглядел лет на тридцать пять. Гибкий, подвижный, с мелкими чертами лица, выступающими немного скулами, темными волосами. Глаза зеленоватые, словно у кошки, приоткрывшейся к прыжку.

– Ну, теперь мы все в сборе, – улыбнулся Афанасий Степанович, – и можем начать наш разговор. – Он достал из кармана и положил на стол небольшой предмет. – Не обращайтесь внимания, – улыбнулся он. – Это для желающих нас услышать. Чтобы наш разговор остался тайной.

Кирилл и Коля переглянулись. Слава пожал плечами.

У них еще не было даже кличек, заменявших имена. Все трое молодых людей были примерно одного возраста – лет по двадцать пять – двадцать шесть. Все трое считались лучшими «бойцами» подмосковной группировки Горелого и приехали сюда по личному приказу одного из паханов. Кирилл и Слава служили раньше в десантных войсках, а Коля проходил службу во внутренних войсках. Все трое были хорошо подготовлены физически, к тому же имели сравнительно чистое прошлое, не замаранное судимостью. И хотя у всех давно накопились большие счета, которые им могли предъявить правоохранительные органы и по которым их вполне можно было отправить в «камеру смертников», тем не менее пока все трое считались образцовыми гражданами своей страны, имеющими паспорт, московскую прописку и избегающими конфликтов с законом, представители которого не могли на них выйти.

– Вам, очевидно, уже передали, что мне нужна ваша помощь, – начал беседу Афанасий Степанович, когда подошедший официант замер за его спиной. – У вас есть рыба? – спросил гость. – Принесите мне одну порцию. А моему другу что-нибудь мясное. Лангет или какой-нибудь бифштекс.

– Что будете пить? – уточнил официант.

– Бутылку водки и две бутылки минеральной, – распорядился Афанасий Степанович, даже не обращая внимания на уже стоявшие на столе две начатые бутылки. – Мне нужна ваша помощь, – продолжал он после того, как официант отошел от них. – Горелый сказал мне, что я могу вполне на вас рассчитывать. Именно поэтому я вас сюда и пригласил. Чтобы вы привыкали к шикарной жизни, ребята. У вас впереди вся жизнь, еще можно в ней многое успеть.

Все трое хранили молчание. На их лицах была презрительная скука и непонимание.

– Да, – разочарованно произнес Афанасий Степанович, – мои рассуждения вас, кажется, мало трогают. Вы не любите лирику, тогда перейдем к прозе. – Он оглянулся на своего молчаливого спутника. – Предлагаю работу, – сказал Афанасий Степанович уже совсем другим, деловым и сухим тоном. – Условия следующие. Вы сопровождаете машины с грузом, охраняя их. И получаете за это сто тысяч долларов. Вас устраивает такая сумма?

Молодые люди переглянулись. Все были потрясены услышанной суммой. Афанасий Степанович внимательно наблюдал за ними.

– Вы ничего не ответили.

– А что нужно будет делать? – спросил наконец Слава на правах старого знакомого.

– Перегнать груз из Средней Азии в Белоруссию, – охотно пояснил Афанасий Степанович.

– И все? – недоверчиво уточнил Слава.

– Все, – кивнул их заказчик, – груз должен дойти в полной сохранности. Кроме вас, там будут еще и другие охранники. А вашим командиром поедет мой друг Цапов. Вас устраивает такая работа? – Трое ошеломленно молчали. Сумма была внушительной. Они снова переглянулись.

– Что мы должны делать? – спросил на этот раз Кирилл.

– Я же объяснил – охранять груз, который вы повезете. И больше ничего. Вам выдадут оружие, справки о разрешении на ношение оружия. Все как полагается. Как только груз придет в Брест, сразу получите сто тысяч. Я думаю, что это очень деловое и весьма выгодное предложение. Горелый сказал мне, что пришлет своих лучших ребят.

На этот раз не выдержал Коля.

– Что за груз?

Блеснули стекла очков Афанасия Степановича.

– Это вас не касается, – очень твердо сказал он, – ваша задача доставить груз. Излишнее любопытство никогда не приводит к добру.

– Согласны, – быстро сказал Слава, испугавшись, что Коля все может испортить своим очередным вопросом.

– Вот и прекрасно, – усмехнулся Афанасий Степанович, – значит, через три дня вам нужно быть на даче Горелого. За вами придет туда машина. Как раз в пятницу.

Официант принес заказанные блюда, разлил водку по рюмкам.

– За наш успех, – сказал Афанасий Степанович и, не чокаясь, выпил. Все молча последовали его примеру. Константин взглянул на ребят своими зелеными глазами и только пригубил свою рюмку.

Афанасий Степанович не спеша закусил и, посмотрев на все еще ошалело сидевших молодых людей, спросил:

– У вас есть еще вопросы?

– Что нам с собой брать? – спросил Слава.

– Что обычно берут в дальние походы? – пожал плечами Афанасий Степанович. – Вы же были, наверно, в пионерских лагерях. «Взвейтесь кострами, синие ночи,

мы пионеры – дети рабочих», – неприятным фальцетом пропел он и, вздохнув, добавил: – Какое время было прекрасное. В общем, берите все, что хотите, но не больше одной сумки или рюкзака. Еду брать не надо, спиртное тем более. Считайте, что вы выступаете в поход. Вы ведь бывший десантник, – обратился он к Славе, – знаете, что обычно требуется в походе. И не забудьте взять свои личные документы. Надеюсь, они у вас в порядке?

– Ясно, – сказал Слава, посмотрев на своих товарищей.

– О нашем разговоре не должен знать никто, – предостерегающе сказал Афанасий Степанович, – ни любимая женщина, ни родные, ни друзья. Вам доверяют важное дело, а болтунов мы не любим. Если кто-нибудь вздумает проболтаться, пусть сразу вешается на первом суку, иначе мыотрежем болтуну его длинный язык. – Он выразительно посмотрел на молодых людей, сидевших напротив него.

– Не пугай, папаша, – выдохнул Коля, – мы уже пуганые.

– А я не пугаю. Пугаю я по-другому, гораздо страшнее. Я просто предупреждаю. Если кто-нибудь из вас не хочет получить такие деньги или тем более сомневается в своих силах, пусть останется дома. Мы это скорее пойдем. Потом, на трассе, сходить уже не позволим никому. Надеюсь, это вы осознали? – Он опять посмотрел на всех троих парней, сидевших перед ним, и стукнул ладонью по столу. – Вот и все, – сказал Афанасий Степанович напоследок, – наш разговор закончен. Можете уходить. До свидания. Ужин оплачу.

Они поднялись. Коля явно хотел еще что-то спросить, но Кирилл толкнул его в бок, не давая раскрыть рта. Они кивнули на прощание и гуськом вышли из ресторана.

– Быдло, – поморщился Афанасий Степанович, – я специально пригласил их в этот ресторан, чтобы они смотрелись здесь как грязные пятна на чистой скатерти. Настоящее быдло. – Жестом руки он подозвал официанта. – Все убрать, – поморщившись, приказал он, – и очень быстро. – Константин почти не притрагивался к своему блюду. – Выпьем кофе, – предложил Афанасий Степанович, убирая в карман скэллер, искажающий любую магнитную запись в радиусе двадцати пяти метров. Цапов не произнес ни слова, словно все шло по заранее расписанному сценарию. Кофе они выпили в полном молчании. И лишь

затем вышли из ресторана, при этом выходявший последним Цапов, не глядя на счет, просто оставил на столе триста долларов.

Уже сидя в роскошном «Мерседесе», за рулем которого находился личный телохранитель Афанасия Степановича, он, наклонившись, тихо спросил:

– Вы им доверяете? – Афанасий Степанович снова достал из кармана скэллер. Проверил его. И лишь затем негромко сказал:

– Разумеется, нет.

– К чему тогда эти эксперименты? – не понял Цапов.

– Логика игры, – усмехнулся Афанасий Степанович, – мы уже давно подозреваем, что Горелого умело ведут сотрудники МУРа. У него было несколько очевидных промахов и провалов, которые логически невозможно объяснить. Конечно, у него должен сидеть агент уголовного розыска. Но вычислять его путем сложных комбинаций, разыскивать, а потом убирать – все это займет довольно много времени. Я уже не говорю о том, что все это достаточно сложно. У Горелого под рукой полсотни ребят, и проверять каждого нужно будет как минимум месяц-два. Значит, на наши поиски мог уйти целый год. А у нас нет столько времени в запасе. – Он достал зубочистку и поднес ее ко рту. Поковырялся в зубах и, удовлетворенно кивнув, нажал на кнопку подъемника стекла. Выбросив зубочистку, он закрыл окно и продолжал объяснять: – Мы исходили из того непреложного факта, что любые слухи или обрывки информации в той или иной мере могут доходить до МУРа, кстати, значительно улучшившего свою работу за последние два года. А это значит, что скрыть сам факт каравана почти невозможно. Слишком много людей в этом задействовано, слишком много людей об этом знает. И какая-то информация наверняка могла просочиться в милицию или в ФСБ. А это значит, что они пойдут на все, чтобы внедрить своего человека в экспедицию, узнать, какой груз и куда он идет. И главное, каким маршрутом идет.

Он поправил очки.

– Остальное вычислить несложно. Они просто наверняка сделают так, чтобы Горелый прислал ко мне именно их человека. Каким образом, я еще не знаю, но сделают. Они могут убрать другого, временно задержать, арестовать, лишь бы

расчистить дорогу для своего. У Горелого было три дня. И он отобрал вот этих ребят. Значит, я могу почти уверенно сказать, что один из них наверняка работает на другую сторону. Ничего особенного в моих рассуждениях, как видишь, нет. Чистая логика.

– Тогда зачем они нам нужны? – пожал плечами Цапов. – Я могу убрать их всех троих прямо сегодня ночью. Зачем играть в кошки-мышки?

– Мой дорогой Константин, я всегда очень ценил твои способности крушить чужие головы. Но иногда нужно работать и собственной головой. Если мы сейчас уберем этих троих, милиция и ФСБ снова начнут делать судорожные движения. Они станут слепыми, а внезапно ослепший человек, пытаюсь нащупать дорогу, начинает лихорадочно махать руками перед собой. Вот они и начнут сразу «махать руками». Понимаешь, о чем я говорю?

Цапов недовольно дернул плечом.

– Не совсем, – честно признался он.

– Они сейчас убеждены, что все знают. Что имеют глаза и уши в виде своего человека в нашем караване. Но как только мы его уберем, они сразу решат, что ослепли, и начнут судорожные движения, которые нам совсем ни к чему. Их человек – как бы иллюзия зрения для милиции и ФСБ. Они пытались с его помощью обмануть нас, а получится, что с его помощью они лишь обманули себя. Разве тебе не доставляет удовольствия такая игра?

Холодное лицо Константина Цапова не выражало никаких эмоций. Афанасий Степанович вздохнул:

– Вижу, что не доставляет. Что ж, у каждого свои маленькие радости. Во всяком случае, выкинь из головы свое нелепое решение о ликвидации всех троих. Я доставлю тебе такое удовольствие чуть позже, когда они будут уже не нужны. Тем более что деньги мы им все равно платить не собираемся.

Константин, все-таки изменившись в лице на мгновение, быстро взглянул на сидевшего рядом с ним Афанасия Степановича, и тот засмеялся, довольный произведенным эффектом.

– Они же даже в дорогом ресторане нормально посидеть не могут. Зачем им такие деньги? Это неправильно, Константин. Бог должен давать деньги только тем, кто умеет их ценить. А всем остальным они просто ни к чему.

Афанасий Степанович вздохнул, снял запотевшие очки, протер платком. И уже очень серьезно добавил:

– А для себя ты должен сделать памятку, все время помня о том, что один из них предатель. И если ты его вычислишь раньше, то можешь делать с ним все, что захочешь, только после моего разрешения. Ты понял, Константин, только после моего разрешения. С тобой поедет Раскольник. Он сделает все, как нужно.

– Тот самый? – спросил Константин, второй раз теряя привычную выдержку за время их разговора.

– Да, тот самый. Я держал его в резерве достаточно долго. У него нюх на сотрудников милиции. Он их чувствует, как хорошая собака чувствует кошку за дверью. И уверяю тебя, что он сумеет достаточно быстро узнать, кто из этих троих молокососов стучит в милицию. Очень быстро.

– Я могу ему доверять?

Афанасий Степанович удивился:

– Безусловно. Как самому себе. Я знаю Раскольника уже двадцать лет. Это настоящая сволочь. Без нервов и без эмоций. Если будет нужно для дела, он может удавить собственную мать. У него нет ничего святого, и он не верит ни во что, кроме самого себя. Ни в Бога, ни в дьявола. Он сделает все, что ему прикажут. А приказывать будешь ты, Константин. И только вы двое в караване будете знать о сотруднике милиции, который сопровождает наш груз. Я хочу, чтобы вы его нашли. Но, найдя, не трогайте его. Мне нужен живым этот тип, только живым. Я хочу узнать некоторые маленькие секреты Горелого. Раз этот агент делится с милицией, он может поделиться и со мной. – Он помолчал и добавил: – Только ты, Константин, и Раскольник. Только вам я доверяю эту тайну. Это слишком важный груз, чтобы мы могли ошибиться. Может быть, самый важный в нашей с тобой жизни. И второго шанса у нас не будет никогда.

Глава 4

В Ашхабаде было тепло. Это он почувствовал, едва сойдя с самолета. И сразу увидел большой лозунг, прославлявший Туркменбаши. Туркменский язык был очень похож на его родной, азербайджанский, и Рустам Керимов знал, что Туркменбаши называют президента Туркмении, ставшего главой всех туркмен. Скромный, малоизвестный, внешне неприметный бывший Первый секретарь ЦК маленькой среднеазиатской республики вдруг стал именоваться столь звучным титулом, печатать собственное изображение на национальных деньгах, переименовывать города и улицы в свою честь.

Это был удивительный парадокс, равного которому мировая история еще не знала. Выросшие и сформировавшиеся в советской системе, всю свою жизнь верно и преданно служившие партии, образцовые коммунисты, решительно искоренявшие любые проявления местного национализма, люди, которым Москва безусловно доверяла и которых назначала на самые высшие должности в республиках, вдруг в одночасье сделались убежденными националистами, патриотами, ратующими за суверенитет, и руководителями своих отделившихся суверенных государств.

Бывшие первые секретари местных компартий, члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС становились президентами своих государств, круто меняя курс. Прежние убежденные интернационалисты, всю свою жизнь покорно соглашавшиеся с тактикой Москвы по расстановке национальных кадров, они вдруг стали ратовать за развитие собственного народа. Искоренявшие религию и сносившие храмы и мечети, они вдруг становились набожными и начинали восстанавливать ими же снесенные храмы и мечети. Прежние верные коммунисты, еще благоговейно державшие свои партийные билеты, они вдруг за одну ночь превращались в пламенных антикоммунистов. Все, что они говорили, все, чему посвящали свою предыдущую жизнь, оказывалось забытым и преданным во имя собственной власти. Все прежние идеалы оказывались ложными, провозглашались новые.

Никто не видел в этом ничего зазорного. Никто особенно не возражал и тем более не смеялся. Как если бы в одну ночь все губернаторы царской России сделались бы убежденными комиссарами и, надев красноармейские буденовки, с шашкой в руках принялись бы отстаивать советскую власть. Или все губернаторы Америки вдруг в один день стали бы убежденными коммунистами,

атеистами и провозглашали построение социализма своей явной и тайной верой. Земной шар дрогнул бы от смеха. Но он не дрогнул от смеха, когда бывшие убежденные коммунисты и члены партии, дослужившиеся до самых высших постов в этом государстве и в этой партии, вдруг легко отрешивались от собственной прежней жизни, круто меняя собственные ориентиры.

Рустам не любил политиков. Он не любил их еще и потому, что в его собственной родной республике политические интриги и недомыслие политиков стоило жизни многим тысячам его соотечественников. Остановив первую попавшуюся машину, он попросил отвезти его в город.

Он и раньше бывал в Ашхабаде, в этом уютном, небольшом, чистом городке, служившем раньше пограничьем между Россией и Ираном и ставшем после советской власти столицей республики. В нем было как-то спокойно, тепло. Словно барханы окружавших Ашхабад пустынь не доносили сюда людскую суету и ненависть, позволяя городу блаженствовать в своем одиночестве. Но за последние несколько лет город очень изменился. И дело было не в обилии портретов и фотографий Туркменбаши, в общем-то, оставшегося относительно порядочным человеком. Изначально порядочный и мягкий, он не стал устраивать кровавой диктатуры из собственного правления, а постарался извлечь максимум возможного из уникальной ситуации, в которой его маленькая республика неожиданно стала обладателем несметных богатств газа и нефти.

Возводились огромные комплексы современных роскошных отелей, строились новые дома окружавшей Туркменбаши челяди, обустроивались улицы и площади города. Город становился более современным, больше походил на столицу, теряя свое очаровательное уютное своеобразие. Пески барханов уже не могли спасти горожан от стремительно надвигающейся цивилизации, делая их одновременно заложниками и участниками этого «броска страны в двадцать первый век».

Водитель долго кружил в старом квартале, не находя нужного Рустаму дома. Наконец, расспросив соседей, они остановились около темно-синей свежерыкрашенной двери. Рустам расплатился и вошел в дом.

– Салам аллекум, – привычно произнес он традиционное мусульманское приветствие.

– Аллейкум салам, – отозвался старик, сидевший на ковре во дворе дома, – заходи, дорогой, – сказал он почему-то по-русски. Рустам прошел по ковру, опустившись на него рядом с хозяином дома и положив рядом свой небольшой чемоданчик.

– Почему вы решили, что я говорю по-русски? – улыбаясь, спросил он старика на местном диалекте.

Тот улыбнулся в свою седую бороду.

– Вид у тебя очень городской. А городские все говорят по-русски. Да и приехал ты, видимо, издали. У тебя лицо местного человека, но не обожжено нашим солнцем. Давно ты здесь не бывал, сынок.

– Давно, – согласился Рустам, – я не из Туркмении. Я из Баку. У меня к вам важное дело, уважаемый Курбан-ака. – Старик невозмутимо перебирал темно-голубые четки в руках. Рустам невольно обратил внимание на их красивые узоры. Они были из бирюзы.

– Принесите нам чай, – негромко приказал старик, обращаясь к кому-то внутрь дома, – кто тебя прислал, сынок? Зачем тебе понадобился старый Курбан? Кому я еще могу быть нужен?

– В Баку вас помнят, уважаемый, – наклонил голову Рустам, – нам нужна новая партия товара. И знающие люди рекомендовали вас, Курбан-ака.

– Знающие люди? – старик продолжал перебирать четки, метнув в непрошеного гостя острый взгляд. – Какие люди? Я никого у вас не знаю.

– Я племянник Кафара Кафарова, – негромко произнес Рустам, – мой дядя говорил перед смертью, что вы можете всегда помочь в нужный момент. Вот поэтому я к вам и приехал.

– Кафар покойный был хорошим человеком, – невозмутимо сказал старик, – но тебя я не знаю. Какой ты племянник? У Кафара не было братьев.

– Я сын его сестры Маир.

– Это хорошо. Кафар был моим большим другом, пусть Аллах упокоит его душу. Он, несчастный, так мучился, когда умирал. У него ведь была язва?

– Нет, – сдержал улыбку Рустам, не поддавшийся на примитивный трюк, – он умер от разрыва сердца.

– Что ты говоришь? – почти искренне огорчился старик. – Какой был человек Кафар. Настоящий мужчина. – Молодой человек вышел из дома с подносом в руках. Он расставил пиалы, поставил два чайника, сахар, традиционные хлеб и сыр и, поклонившись, ушел в дом. Курбан убрал четки и взял один чайник, разливая его в пиалы на правах хозяина дома.

– Когда он умер? – спросил старик, не поднимая глаз на своего гостя.

– В прошлом году. Двенадцатого мая, – вежливо ответил Рустам, понимая, что проверка продолжается.

Старик подвинул ему пиалу с чаем.

– Ты родственник моего друга, – торжественно сказал он, – и проделал большой путь. Пей чай, мы еще успеем обо всем поговорить. Ибад, – крикнул он, не поворачивая головы.

Из дома снова вышел тот самый молодой человек. Подошел к старику и, наклонившись, внимательно выслушал быстрый шепот хозяина дома. После чего кивнул головой и снова ушел в дом.

– А почему не приехал сын Кафара, твой брат Алескер? Я помню, какой он был еще совсем маленьким, – улыбнулся старик, – и он меня хорошо знал.

– Алескер сидит в тюрьме, – печально ответил Рустам, – нужно заплатить большие деньги, чтобы вытащить его оттуда. Поэтому я и приехал к вам, уважаемый Курбан-ака.

– Тебе нужны деньги? – оживился старик. – Для сына моего друга мне ничего не жаль. Скажи, какая сумма тебе нужна, и мы доставим ее в Баку. Можешь не беспокоиться, за сына Кафара я заплачу нужную сумму.

– Спасибо, уважаемый Курбан-ака, – поставил пиалу на ковер Рустам, – но нам не нужно давать в долг. Деньги мы и сами можем найти. Мы хотим продолжить дело нашего дяди. И поэтому я приехал к тебе за помощью. Нам чужих денег не нужно. Родную кровь мы освобождаем только при помощи своих кровных денег.

Старик снова взял свои четки.

– Красиво говоришь, – вздохнул он, – очень красиво. А что у тебя на уме – никто не знает. Сейчас времена плохие, люди совсем озверели, никто друг другу не верит.

Рустам вежливо слушал.

За его спиной скрипнула калитка, но он не повернул головы, зная, что невежливо отворачиваться от пожилого человека, когда он говорит. За спиной раздались торопливые шаги. Рустам по-прежнему сидел, глядя в глаза хозяину дома. Тот оценил его мужество и улыбнулся. Рядом с ними встали два человека.

Рустам посмотрел на них снизу вверх.

– Это мои друзья, – улыбнулся Курбан, – сейчас ты поедешь с ними и немного отдохнешь. А завтра мы поговорим о делах. – Рустам понял, что проверка еще не кончилась.

– Хорошо, – сказал он, поднимаясь с ковра, – спасибо вам, Курбан-ака.

– Это тебе спасибо, дорогой, что не забыл старика, приехал сюда. Иди с миром, завтра мы обо всем поговорим, – улыбнулся старик.

Рустам наклонился, чтобы поднять свой чемоданчик, но его опередил один из конвоиров, успевший поднять чемодан раньше. Рустам пожал плечами и пошел к калитке, сопровождаемый двумя молодыми людьми. На улице уже стояла машина, за рулем которой сидел еще один человек.

– Садись, – хмуро показал на заднее сиденье конвоир. Рустам не заставил себя упрашивать. С его стороны дверь, конечно, не открывалась. Как и окно. Он усмехнулся и сдвинулся ближе к двери. Когда уселись другие двое, водитель

медленно отъехал от дома.

- Куда мы едем? – спросил Рустам.

- Отдохнешь немного, – немногословно ответил сидевший рядом с водителем черноусый незнакомец, очевидно, старший в этой группе.

Оставшийся в доме Курбан после ухода гостя резким движением руки выплеснул уже остывший чай из пиалы и налил новый. После чего снова крикнул:

- Ибад!

- Я здесь, хозяин, – наклонился к нему молодой человек, стоявший за его спиной.

- Сегодня позвони в Баку нашим друзьям. Пусть узнают все на месте. Был у Кафара такой племянник или не был. Мне нужно все знать до завтра.

- Понял, хозяин.

- И пусть узнают, когда арестовали сына Кафара, – напомнил Курбан, – мне это тоже очень важно знать.

Глава 5

Они сидели в автомобиле уже больше трех часов. Наблюдение за Кудрявцевым велось сразу из двух автомобилей. Один находился позади дома, на тот случай, если вдруг Кудрявцев решит выйти с черного хода. Другой автомобиль стоял напротив дома, чуть в стороне от выхода. И находившиеся в нем Виноградова и Айрапетян терпеливо ждали, пока владелец фирмы Роман Кудрявцев, которому, собственно, и принадлежали этот дом и фирма, соизволит наконец покинуть особняк. Его «шестисотый» «Мерседес» уже стоял у подъезда, но хозяина фирмы все еще не было видно.

- Может, он просто задержался, – посмотрела на часы Виноградова.

– Обычно он выходит отсюда в семь часов вечера. А сейчас уже девятый час, – нервно сказал Айрапетян, тоже посмотрев на часы, – нужно было каким-то образом войти в его офис и установить там нашу аппаратуру.

– Ты же сам говорил, что там сильная охрана и американская электронная система слежения, – напомнила Виноградова.

– Ну и что? Любую систему можно обмануть, – резонно заметил Айрапетян, – просто обидно, что мы сидим здесь глухие и слепые. – Он поднял переговорное устройство. – Первый, я Третий. Что у вас?

В другой машине, находившейся за домом, сидели Матюшевский и Двоеглазов. Ответил сам подполковник:

– Пока тихо. Как у вас?

– Ничего определенного. Автомобиль клиента стоит у подъезда уже целый час. Но его самого пока не видно.

– Вас понял. Отбой.

Последние несколько лет во время служебно-розыскных действий любой оперативной группе ФСБ или МВД в Москве приходилось маскироваться и не передавать в эфир прямые тексты бесед. Преступники все чаще и чаще располагали более совершенной аппаратурой для прослушивания и заранее узнавали обо всех планах оперативных сотрудников.

– Почему он не выходит? – в который раз нервно спросила Виноградова. Она была даже более нетерпелива, чем по-восточному эмоциональный и экспансивный Айрапетян. Тот пожал плечами.

– Думаешь, я знаю? Я сам уже нервничаю. Может, сходить посмотреть?

– Не дури, – отвернулась Виноградова, – я серьезно говорю.

– Я тоже серьезно.

– Нужно было более тщательно проверить его фирму, – недовольно заметила Виноградова, – мы бы больше узнали о его делах.

– Каким образом? – вздохнул Айрапетян. – Был бы здесь Георгий, мы могли хотя бы подключить МВД и их отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Сабельников с Матюшевским два дня сидели, но ничего не нашли. Похоже, в его фирме все чисто, а свои дела он устраивает где-то на стороне.

– Ты сам-то в это веришь?

– Не очень. При желании всегда можно что-нибудь найти. Неуплату налогов, скрытые счета, разные махинации. Но за два дня они ничего не нашли. Нужна была более комплексная проверка. А Рустам улетел? – вдруг спросил Айрапетян, зная об особых отношениях Виноградовой и Керимова.

– Улетел, – кивнула она, – а Георгий полетел следом за ним в Баку.

– Мне всегда не нравятся такого рода командировки, – признался Айрапетян, – действуешь почти на удачу. Повезет, не повезет. Шансы примерно равны. Не нравятся мне такие командировки. Слишком велик риск.

– Ты что-то стал слишком рациональным, Эдик, – подозрительно посмотрела на него Виноградова, – хотя если сейчас в здании что-нибудь произойдет, ты сразу ринешься туда, забыв обо всякой осторожности.

– Это разные вещи, – возразил тот, – одно дело притворяться бандитом, другое бить им морды. Это разные вещи, Надя.

– Внимание. Кудрявцев вышел из здания, – посмотрела в сторону «Мерседеса» Виноградова. Айрапетян поднял переговорное устройство.

– Клиент появился у банка, – быстро сказал он, – садится в машину.

– Сейчас подъедем, – передал Матюшевский.

– Два дня следим, и все безрезультатно, – пожаловался Айрапетян, отключаясь, – может, он действительно стал чистым бизнесменом?

– Ты считаешь, что в Москве есть «чистые бизнесмены»? – удивилась Виноградова.

– Смотря относительно чего, – рассудительно сказал Айрапетян, поворачивая машину следом за выезжающим «Мерседесом».

– Третий, я Первый, где вы находитесь? – спросил Матюшевский.

– Едем в центр, – доложила Виноградова, – видим клиента.

– Мы следуем за вами, – отозвался Матюшевский – там за рулем сидел Двоеглазов.

– Он, наверное, едет домой, – сказал Айрапетян, – сегодня опять ничего не случится. За ним нужно следить в субботу-воскресенье, когда его семья уезжает на дачу и он остается дома один. Обычно мужчины в такое время словно срываются с цепи.

– Очень тонкое наблюдение, – невозмутимо произнесла Виноградова, – следи лучше за машиной. – У нее была короткая стрижка «каре» и прямой аристократический нос. Большой чистый лоб, упрямый подбородок, тонкая линия губ. Она с одинаковым успехом могла появиться и на фешенебельном приеме, и в обычной забегаловке, поднимая воротник своей куртки и сохраняя на лице то неприступное выражение богини, которое бывает свойственно только очень уверенным в себе красивым женщинам.

– Они сворачивают к дому, – разочарованно произнес Айрапетян, – по-моему, мы можем ехать к себе.

– Давай все же проводим его до дома, – предложила Виноградова. – Первый, я Третий, – вызвала она Матюшевского, – клиент едет домой.

– Вас понял. Мы возвращаемся. Проводите его домой и тоже возвращайтесь. Наверно, сегодня он уже никуда не поедет.

– Вас поняла, – отключилась Виноградова.

– Я же говорил, – зло заметил ее напарник, – мы просто служим почетным эскортом этого Кудрявцева.

«Мерседес» выехал на Кутузовский проспект. – Почему они все живут только в таких местах, – пробормотал Айрапетян, – можно подумать, что этот проспект намазан медом. Или на них так действует имя Брежнева, который здесь жил?

«Мерседес» въехал во двор, и Айрапетян затормозил свою «девятку» у дома, не решаясь въехать во двор. Из «Мерседеса» выскочил охранник, открывающий дверцу автомобиля, а уже затем появился респектабельный Кудрявцев, одетый в легкий светлый плащ.

Он улыбнулся.

– Мы можем уезжать, – сказал Айрапетян.

И в этот момент из подъезда соседнего дома быстро вышли два человека.

– Подожди, – крикнула Виноградова. Двое незнакомцев сделали несколько шагов по направлению к Кудрявцеву, доставая из карманов пистолеты.

Телохранитель – высокий, широкоплечий молодой человек, весь интеллект которого отражался в его растерянном глуповатом лице, – не успел даже среагировать.

Виноградова достала свой пистолет.

Один киллер вскинул оружие. Первым же выстрелом он отбросил несчастного на тротуар, второй был уже контрольным. Телохранитель дернулся и умер, так и не узнав, что случилось с его хозяином.

Айрапетян тоже достал свой пистолет.

Второй киллер выстрелил в машину. Послышался звон разбитого стекла. Еще один выстрел, и водитель уткнулся в руль своего автомобиля.

Кудрявцев, стоявший словно вкопанный, очнулся и побежал к подъезду своего дома. Но между домом и его машиной уже стоял первый киллер.

– Стой! – закричала Виноградова, стреляя в воздух. Киллер колебался всего лишь секунду. За это время Роман Кудрявцев налетел на него, и они покатались по тротуару. Второй киллер поспешил за машину, и в этот момент Виноградова выстрелила второй раз. Прямо в него. Киллер ответил двумя выстрелами в ее сторону.

– Пригнись, – закричал Айрапетян, прыгая из автомобиля и тоже стреляя в сторону второго нападавшего.

За машиной катались по земле, избивая друг друга, Кудрявцев и его убийца. Пистолет отлетел в сторону, и теперь оба рассчитывали на свои кулаки. При этом вальяжный и заматеревший Кудрявцев явно уступал более молодому и сильному убийце. Надежда продвинулась вперед, выстрелив еще один раз. Первый из нападавших ударил Кудрявцева несколько раз по лицу и достал из кармана нож.

Виноградова выстрелила в него, но пуля просвистела над головой. Нападавший оглянулся. Надежда прицелилась и еще раз предостерегающе крикнула:

– Стой!

Убийца занес руку с ножом, но выстрел Виноградовой достиг цели. Киллер с криком упал на землю. Пуля попала ему прямо в руку. Вторым нападавшим поняли, что они провалили задание, и бросился бежать. Немногочисленные прохожие в испуге попрятались по подъездам, робко выглядывая оттуда.

– Почему нет милиции? – зло пробормотал Айрапетян. – На этом проспекте всегда было полно милиционеров.

Вторым нападающим бежал к «Тойоте», стоявшей в конце проходного двора. Было темно, но двор был достаточно освещен.

– Уходит, – закричала Виноградова, – уходит!

Айрапетян кивнул ей:

– Оставайся здесь, сейчас приедет милиция, я за этим типом. – Он побежал к своему автомобилю. Киллер уже добрался до «Тойоты», когда Айрапетян подскочил к «девятке». Обе машины сорвались с места почти одновременно.

Кудрявцев с трудом приходил в себя. Лицо у него было разбито, он пытался поднять голову и сесть, но это у него плохо получалось.

Его убийца, еще живой, полз к пистолету, лежавшему рядом. До него оставалось метра три.

Кудрявцев все-таки поднял голову, приоткрывая глаза. Киллер полз по земле, оставляя кровавый след. До пистолета оставалось два метра.

Кудрявцев попытался пошевелинуться и застонал. Кажется, нападавший сломал ему ребро.

Убийца протянул руку. Пистолет был совсем рядом. Кудрявцев все-таки попытался подняться, опираясь на здоровую правую руку.

Убийца потянулся рукой к оружию и вдруг болезненно сморщился. Кто-то наступил ему на руку. В темноте он не увидел, кто это был. Но почувствовал, как наклонившийся человек поднимает его оружие.

– Спокойно, – произнес женский голос, – не стоит торопиться.

«Тойота» со вторым убийцей выехала на проспект. Айрапетян, сжав зубы, ехал следом.

– Сукин сын, – зло бормотал он, – я тебе покажу, как удирать.

Обе машины понеслись по проспекту, отчаянно сигналив, чтобы им уступали дорогу. «Тойота» легко уходила от старой «девятки».

– Не уйдешь, – шептал Эдуард Айрапетян, выжимая из машины все возможное. Но большего выжать было невозможно. «Тойота» уходила, и он нервничал все

больше и больше.

* * *

Лежавший на земле Кудрявцев чуть приподнялся. Убийца заревел от ненависти, выдергивая руку из-под ноги женщины. Он еще попытался что-то сделать, дернулся, но она хладнокровно прострелила ему ногу. Он закричал и уже кричал не переставая, пока не приехала машина «Скорой помощи». Но больше попыток нападения не предпринимал.

* * *

Но на широком проспекте, где было достаточно пространства, чтобы разогнаться, шансы догнать «Тойоту» падали с каждой секундой. Айрапетян, поняв, что дальше медлить невозможно, достал пистолет.

- Не уйдешь, - ожесточенно шептал он, держа пистолет левой рукой.

Расстояние между машинами увеличивалось. Он медлил до последнего, опасаясь, что его выстрелы могут попасть в другую машину. Но дальше медлить было невозможно. Он снова высунул левую руку и сделал два выстрела по колесам. Конечно, он промазал, попасть на таком расстоянии и при такой езде было почти невозможно, но, очевидно, водитель «Тойоты» на мгновение обернулся. Машина чуть сбавила скорость, вильнув в сторону, как обычно бывает, когда водитель оборачивается назад.

Эдуард выстрелил еще раз, израсходовав последний патрон, уже понимая, что ему не догнать уходящую машину. «Тойота» опять вильнула в сторону. Видимо, водитель вновь обернулся. На этот раз выстрел был более удачным, у «Тойоты» лопнуло заднее стекло.

Водитель «Тойоты» потерял контроль над дорогой, и этого было достаточно. Перед ним вдруг вырос грузовик, выехавший на встречную полосу. Отчаянный визг тормозов уже не мог спасти «Тойоту». Машина врезалась в грузовик, раздался глухой сильный удар, после чего машина загорелась.

– Черт побери, – растерянно прошептал Айрапетян, выворачивая руль своего автомобиля в сторону, чтобы не столкнуться с горевшей «Тойотой». Затормозив, он выбрался из своего автомобиля и бросился к горевшей машине. Сидевший в ней человек был мертв.

* * *

Виноградова подошла к прислонившемуся к дереву Роману Кудрявцеву.

– Кажется, у меня сломано ребро, – сказал он печально. Вокруг уже ревели милицейские сирены.

– По-моему, сегодня вы чудом остались живы, – строго заметила Виноградова.

– Вы правы, – поморщился Кудрявцев, с трудом шевеля разбитыми губами, – но мне кажется, что это случилось только благодаря вам. – К ним бежали сотрудники милиции.

Глава 6

В тот вечер они поехали в другой ресторан, чтобы выпить по-настоящему. Трое молодцов не решались признаваться, что на них произвел впечатление и неведомый Афанасий Степанович, и его неприятный спутник с зелеными глазами. Ребята, не любившие столичных ресторанов, поехали в свой, где смогли наконец расслабиться, приняв на брата довольно солидные порции спиртного.

Слава мог выпить гораздо больше своих товарищей. Но чем больше он выпивал, тем больше зверел, словно алкоголь наждачной бумагой сдирает с него некое подобие цивилизации, представляя молодого человека в истинном обличье. Выросший без отца, с детства познавший нужду и голод, этот рыжеватый парень с редкими, но крепкими зубами, казалось, готов был утопить в своей злобе всех окружающих. Алкоголь делал его задиристым и ненавидящим весь мир.

В отличие от него, Кирилл пил гораздо меньше. Он был бывший боксер, имел неплохие показатели до тех пор, пока ему не сломали нос в каком-то бою и он не бросил свое увлечение. Попав в десантные войска, Кирилл отличался невероятной силой и не менее невероятной жестокостью. Именно поэтому Горелый, который наводил справки о каждом из своих питомцев, так охотно взял молодого человека к себе. Этот, когда сильно выпивал, впадал в мрачное, подавленное состояние, почти в спячку.

И наконец самый молодой из них, Коля, служивший ранее во внутренних войсках, пил не меньше других, но в отличие от них беспричинно веселился, тыча пальцем в других посетителей и заливаясь от смеха. Во внутренних войсках он сначала проходил службу в Сибири, где они имели дело с довольно неприятным контингентом особо опасных заключенных. А затем его часть была брошена в Чечню, где они потеряли пятнадцать человек убитыми и еще больше ранеными и обмороженными.

В тот вечер парни сильно перебрали, словно предчувствуя, что это последняя в их жизни совместная попойка. Подсознательно все трое понимали, что такие огромные деньги так просто не платят и их участие в охране груза будет не только трудным, но и опасным.

Через три дня рано утром все трое поодиночке приехали на дачу к Горелому. Его называли так за чуть обгоревшее лицо. Ему было под шестьдесят, но он все еще крепко держал в своих руках нити правления, безжалостно расправляясь с конкурентами и не менее безжалостно истребляя своих в случае малейшего подозрения. Всех троих молодых людей Горелый отбирал лично и теперь, сидя в комнате позади большой гостиной, ждал, когда придет представитель Афанасия Степановича.

Горелый был вором в законе, почти легендарный преступник последней волны, из тех, что успели короноваться и чьи полномочия были подтверждены на последней в Советском Союзе сходке воров в законе, происшедшей в январе девяностого года в Баку.

Он привычно держал в руках колоду карт, раскладывая какой-то мудреный и загадочный пасьянс, когда один из его помощников доложил, что приехал представитель «заказчика». Хозяин дачи, не поднимая головы, кивнул, продолжая раскладывать пасьянс. Он сидел в кресле-качалке и легонько раскачивался каждый раз, когда очередная карта ложилась на стол. В комнату,

мягко ступая, вошел Цапов.

- Здравствуй, Константин, - сказал Горелый, не поднимаясь из кресла, даже не глядя на гостя, словно заранее зная, кто именно должен был прийти.

- Здравствуй, Горелый, - сел напротив него Цапов, не дожидаясь приглашения.

- Можешь идти, - разрешил Горелый своему человеку, провожавшему Цапова в дом. Он по-прежнему качался в своем кресле, разглядывая карты, словно это было единственное, что его интересовало.

- Пришли твои богатыри? - поинтересовался Цапов.

- Они в другой комнате, - ответил Горелый, - надеюсь, вы помните условия нашего договора. Сто ребятам, сто мне.

- Помним, помним. Мы улетаем сегодня ночью.

- Один полетишь? - спросил Горелый, по-прежнему не поднимая головы.

- Нет. Со мной полетит Раскольник. Он приедет за нами сюда на дачу.

Кресло замерло, перестав качаться. Горелый на секунду поднял глаза на своего гостя, пытаясь осмыслить сказанное. Затем рука дрогнула, и он положил следующую карту явно не на то место.

- Почему он?

- Так решили, - пожал плечами Цапов.

- Не люблю я его, - признался Горелый, меняя карту, - мы все, конечно, не ангелы Божьи, но этот тип точно будет гореть в аду. На его совести уже несколько мертвяков.

- Это меня не касается.

– А зачем тогда его с собой берешь?

– А меня никто не спрашивает, с кем именно я хочу работать. С кем поручили, с тем и поеду.

– Сколько лет тебя знаю, вечно ты такой спокойный. Мог бы и поинтересоваться. На Раскольнике крови столько, что он вполне может небольшой бассейн заполнить этой жидкостью. И все равно не отмоется. Он ведь киллер, убийца по призванию. Должен относиться к таким вещам как профессионал. Ан нет. Само убийство для него, видишь ли, удовольствие. Не люблю я таких. Он как животное.

– Вот он придет, ты ему сам все и скажи, – посоветовал Цапов.

– Правильно тебя все Сухим кличут, – недовольно отозвался Горелый, – все тебя не касается, всегда сухим из воды хочешь выйти. Все с тебя как с гуся вода.

– Я свое дело знаю, – усмехнулся Цапов, – деньги получаю и в сторону. Если бы я такой любопытный был, меня бы давно, как тебя, подпалили.

Рука Горелого замерла. В молодости в колонии его заперли в сарае и подпалили. Ему удалось тогда чудом вылезти из горящего сарая, но кличка сохранилась на всю жизнь, а происшествие в сарае оставило отметину на его лице и левом плече в виде безобразных шрамов. Он тяжело задышал от гнева.

– Ладно, – понял, что перегнул палку, Цапов, – я пошутил. Ты не дыши так, простудишься.

– На опасное дело идете, ребята, – качнулся в кресле Горелый. – Никто не знает, кто живым вернется.

– Это как Бог даст, – отшутился Цапов, – там посмотрим, что будет. А ты меня не пугай, деньги хорошие, ты же их тоже получишь, если все будет хорошо.

– Моя доля твердая, – продолжал Горелый, – дойдет груз или не дойдет, мои сто тысяч ты мне сам принесешь. За таких ребят это еще очень мало. И половину вперед, как договаривались.

– Если останусь в живых, сам загляну к тебе, – кивнул Цапов, – и про ребят поговорим. Сейчас Раскольник привезет деньги.

Горелый продолжал раскладывать свой пасьянс, покачиваясь в кресле.

– Поговорим, – согласился он, – конечно, поговорим. Ты Афанасию передай, что я давно хотел с ним встретиться. Пусть со мной состыкуется, когда вы вернетесь.

– Передам, – кивнул Цапов. В комнату вошел телохранитель Горелого.

– Еще один тип пришел, – коротко доложил он, – но без машины. Говорит, что вы его ждете.

– Это Раскольник, – покачал головой Горелый, – узнаю его приемы. Не любит он подъезжать на машинах, всегда пешком ходит. Типичный киллер. Наверняка свою машину где-нибудь рядом спрятал. Хитрый, как змея. Скажи, чтобы зашел.

Телохранитель вышел, и через минуту в комнату проскользнул высокий мужчина с невыразительным мятым лицом и мутными глазами. Он кивнул обоим сидящим в комнате людям, словно расстался с ними только недавно, и спокойно сел в углу, даже не спросив разрешения.

– Здорово, Раскольник, – сказал, раскачиваясь в кресле, Горелый, – ты как всегда у нас молчун. Будто за слова тебе платить нужно.

Раскольник смотрел на него, почти не реагируя, словно сказанное его никак не касалось. Он глянул на Цапова, и тот кивнул головой. Раскольник поднялся и молча достал из карманов куртки пять тугих пачек стодолларовых купюр. Куртка у него была интересная. Кроме внешних карманов, куда он положил по пачке денег, были еще и два внутренних кармана, где тоже лежали деньги. На рукавах были еще два небольших кармана. А в кармане его брюк лежала еще одна пачка и привычный небольшой пистолет. Всем было известно, что Раскольник никогда не расставался с оружием. Он аккуратно сложил пять пачек на стол перед Горелым и снова сел на свое место.

– Считать будешь? – спросил Цапов. Вместо ответа Горелый положил карты на стол и быстрым движением сгреб деньги в ящик стола. Задвинул ящик и снова

закачался в кресле. Раскольник, поняв, что дело решено, поднялся, молча кивнул обоим сидящим в комнате людям и так же молча вышел из комнаты, ничего больше не сказав.

– Значит, все в порядке, – подвел итог Цапов, – моя машина во дворе. Через четыре часа у нас самолет.

– Можешь забирать ребят, – разрешил Горелый, – они в соседней комнате.

– Расписка нужна? – пошутил Цапов.

Горелый качнулся в кресле.

– Любишь пошутить, – недобро улыбнулся он, – ну-ну...

– До свидания, – поднявшись, быстро вышел из комнаты Цапов, поняв, что лучше всего уходить именно сейчас.

Когда они вышли, за спиной Горелого открылась дверь, и в комнату, чуть хромая, вошел еще один человек, высокого роста с явно выраженной кавказской внешностью. Горбатый нос, темные усы, большие, немного выпученные глаза, седые волосы.

Этого человека знали в криминальной среде не хуже самого Горелого. Это был другой известный вор в законе, лидер одной из самых крупных группировок мафии – Шалва Хромой, прозванный так за ранение в левую ногу, полученное еще много лет назад при попытке бегства из лагеря для особо опасных преступников.

– Все слышал? – спросил его Горелый, чуть повернув голову.

– Все, – подтвердил кавказец, – этот Раскольник действительно опасен. Я о нем много слышал.

– Очень. Другой не лучше. Эти ребята за свои деньги будут драться. Ты это учти, Шалва. – Кавказец подошел к затемненному окну, где были видны все четверо мужчин, выходявших из дома. У машины Цапова уже стоял его водитель.

- Учту, - сказал он, задумчиво глядя на садившихся в машину людей.

- Кроме этих, там наверняка будет еще кто-нибудь, - продолжал Горелый, - и раз они платят такие бабки, то груз действительно ценный. Очень ценный, Шалва, очень. Поэтому я тебя и позвал. Мне одному не справиться. Нужна твоя помощь.

- Деньги пополам, - повернулся к нему Шалва. - Конечно, - качнулся Горелый, - как договаривались, не волнуйся.

- Тогда и ты не волнуйся, - усмехнулся Шалва, - их груз не дойдет. Правда, и твои ребята пострадать могут. Но ты за них все равно хорошую страховку получишь. - Горелый улыбнулся, а Шалва, довольный своей шуткой, расхохотался. Потом, посмотрев на сидевшего в кресле хозяина дачи, вдруг спросил:

- А зачем ты хотел Афанасия увидеть? Для чего он тебе нужен?

Горелый закончил раскладывать пасьянс. Он качнулся и медленно поднялся из кресла. Он был невысокого роста, но кряжистый и сильный. Посмотрев на своего гостя, он подошел к окну, встав рядом с ним. Со двора выезжала машина с его людьми и сидящим впереди, рядом с водителем, Константином Цаповым.

- Я же сказал - после операции, - усмехнулся Горелый. - Если груз будет у нас, то зачем нам оставлять такого свидетеля? А если он будет у них, то зачем нам такой враг?

- Это правильно, - кивнул Шалва, - мы уже завтра будем знать, где они будут получать груз.

- Каким образом? - изумился Горелый. - Вы знаете, куда они летят?

- Конечно, знаем. Это было совсем нетрудно. После того как ты сообщил нам фамилии троих твоих людей, оставалось проверить по списку авиационных компаний, в какую именно республику и в какой город летят эти ребята. На всю проверку ушло полдня. И теперь я точно знаю, где будут встречать всех пятерых. И этого Раскольника тоже. Мы просто проверили все самолеты,

вылетающие сегодня в Среднюю Азию.

– А я решил поручить своему человеку сообщать мне о продвижении каравана, – разочарованно сказал Горелый, – здорово ты поработал, Шалва. Но почему ты так торопился?

– Не догадываешься? – показал крупные зубы Шалва. – Когда они сядут в самолет, это будет единственное место, куда они не смогут взять оружие. Выходя из аэропорта, все пятеро будут безоружными и слабыми, как котята. Вот там их и возьмут мои люди.

– Здорово, – кивнул Горелый, – ты действительно гений.

В уехавшей машине на заднем сиденье, тесно прижавшись друг к другу, сидели трое молодых парней. Они видели перед собой затылок Константина Цапова, который так ни разу и не повернулся за все время до аэропорта. И только в аэропорту, когда машина подъехала к зданию аэровокзала, он обернулся и сказал:

– Приехали. Получите у водителя ваши билеты. Они уже выписаны на ваши фамилии. Мы летим одним самолетом. – Он не стал говорить, что вместе с ними в одном самолете летит и Раскольник, уже оформлявший свой билет на этот рейс. Никто не мог представить даже в страшном сне, что в городе, куда они летят, их ждут боевики Шалвы Хромого.

Глава 7

Сидеть в этой комнате было не очень обременительно. Здесь находился телевизор, магнитофон, стоял даже телефон. Из комнаты можно было пройти в небольшую ванную, где шла горячая и холодная вода. Лишь одно неудобство в комнате все же было. В ней не было окон. И единственный выход отсюда был заперт и охранялся сразу двумя молчаливыми молодыми людьми, даже не скрывавшими того факта, что они оба вооружены.

Но хуже всего была полная отрезанность от всего и это покорное ожидание конца проверки. Собственно, они так и планировали с самого начала. Его обязательно должны были проверить, убедиться, что он говорит правду. И хотя в Баку все отлично подготовили, тем не менее полностью исключить утечку информации было невозможно. У Курбана могли оказаться старые связи в Баку не только среди наркодельцов. Он вполне мог иметь и наверняка имел своих платных информаторов и в милиции, и в местном Министерстве безопасности. Именно поэтому вылетевший в Баку Чумбуридзе настаивал, чтобы о готовящейся операции знал только очень узкий круг людей. Сына Кафара арестовали в день приезда Чумбуридзе, с этим проблем не было, за ним числилось множество мелких грехов.

Для подстраховки арестованного посадили в изолятор Министерства национальной безопасности. Теперь оставалась проблема с настоящим племянником и его матерью. Их долго убеждали отправиться в район, где у сестры Кафарова были родственники. Родственники жили в высокогорном селении Чичи, в Кубинском районе, и добраться туда было довольно сложно. Селение было не особенно большое, отрезанное от других трудными дорогами, но на всякий случай в самом селении обосновались двое сотрудников местной службы безопасности, а настоящий племянник получил бесплатную путевку в Турцию и с удовольствием поехал в это турне. Чумбуридзе пришлось дать взятку в триста долларов в ОВИРе, чтобы парню быстро сделали паспорт. Раскрываться было нельзя, а на законных основаниях в ОВИРе паспорта не выдавали вообще, мотивируя это отсутствием пустых бланков.

О поездке молодого человека в Турцию знали только Рустам, майор Чумбуридзе и руководитель отдела в Министерстве национальной безопасности, с которым и координировалась вся деятельность СБК. Теперь оставалось ждать. В соседней с Кафаровыми квартире, где жили его вдова и две дочери, теперь жил сам майор Чумбуридзе и двое сотрудников МНБ. Теперь все ждали визитеров.

По логике Чумбуридзе, незваные гости должны были появиться именно в день приезда Рустама в Ашхабад. Один из сотрудников МНБ целый день продежурил у дома, изображая из себя продавца газет и журналов. В городе была огромная безработица, и многие молодые люди подрабатывали, торгуя газетами и журналами. У офицера даже купили несколько журналов, но никто не появлялся рядом с домом Кафаровых. Это очень сильно тревожило Чумбуридзе. Всю ночь он не спал, прислушиваясь к шагам на лестничной клетке, словно надеясь, что незваные визитеры пожалуют ночью. Но так никто и не появился.

Едва дождавшись утра, он взял автомобиль и проехал к дому, где жила сестра Кафара Кафарова. Там тоже никто не появлялся ночью и ни о чем не расспрашивал. Он не успел вернуться к себе, когда позвонил телефон и взволнованный сотрудник МНБ, который вел наблюдение за домом сестры Кафарова, доложил, что у дома побывало двое людей, которые расспрашивали соседей, куда именно уехали хозяева и когда это случилось.

Чумбуридзе понял, что пора ждать гостей. В соседней квартире уже давно были установлены микрофоны, и они могли слышать все, что там происходило. В половине десятого в квартиру позвонили.

- Кто там? - спросила одна из дочерей Кафарова.

- Мы принесли небольшую посылку для Маира, - сказали из-за двери.

Девушка позвала мать. Время было трудное, опасное. В городе было полно беженцев, дезертиров, просто опасных людей, промышлявших грабежом. Открывать двери незнакомцам было опасно. Одна из дочерей была замужем, но зять уже уехал на работу.

- Что вам нужно? - спросила вдова. - Маир здесь не живет.

- Мы знаем, - ответил голос, - мы были у него на квартире, и нам сказали, что он уехал. Вы не знаете, куда именно он уехал? Нам нужно передать ему посылку.

- Ничего не знаю, - ответила вдова, и без того расстроенная арестом сына, - Маир уехал, кажется, в Турцию. А его мать у родственников, скоро вернется.

- Она уехала в Кубу? - уточнил неизвестный. Чумбуридзе тихонько выругался, когда ему перевели вопрос незнакомца. Он не знал азербайджанского языка, и весь разговор ему переводил один из офицеров МНБ. Все-таки на другой квартире прошла утечка информации. Но это было пока не так страшно. Чумбуридзе на всякий случай приготовил пистолет. Если незнакомец узнает еще что-нибудь или задаст дополнительный вопрос, придется их брать. Другого выхода просто нет. А Рустаму нужно заканчивать игру, он может оказаться под угрозой разоблачения.

– Вы не знаете, в какой именно город уехал Маир? – настаивал незнакомец. Чумбуридзе насторожился: неужели они хотят полететь для проверки и в Турцию? В это трудно было поверить.

– Не знаю, – ответила вдова, – у нас горе, сына моего арестовали, а вы пристаёте с какими-то вопросами. Вот приедет зять, с ним и поговорите.

– А когда арестовали вашего сына? – настаивал незнакомец. Чумбуридзе покачал головой. Этого они не предусмотрели, в Ашхабаде вполне могут заподозрить неладное, узнав, что сын Кафарова арестован только несколько дней назад. Хотя, с другой стороны, все правильно. Именно после ареста Кафарова его двоюродный брат и решил поехать в Ашхабад.

– Несколько дней назад, – печально ответила женщина, – уходите, у меня одна дочка на выданье дома. А вы стоите и кричите за дверь. Соседи могут подумать невесть что.

– Извините, – сказал незнакомец, отходя от двери.

– Мы можем вызвать наружное наблюдение, – предложил один из сотрудников МНБ.

– Нет, – твердо возразил Чумбуридзе, – этого делать нельзя. Иначе мы провалим операцию с нашим сотрудником. Эти типы могут заметить наблюдение, и тогда все плохо кончится. Нет, нет, ни в коем случае не нужно за ними следить, пусть уходят.

Теперь, когда этот неприятный разговор наконец закончился, он перевел дыхание. Все-таки они затеяли очень опасную игру, которая вполне может стоить жизни его товарищу.

– Вы думаете, они успокоятся? – тихо спросил один из офицеров.

– На первом этапе да, – кивнул Чумбуридзе, – нам нужно выиграть время. Хотя бы несколько дней. Пока проверяют на примитивном уровне. Где он, куда уехал, есть ли вообще племянник. Значит, подозревают не так сильно. А вот когда начнут подозревать, то поедут в селение за сестрой Кафарова и постараются

найти фотографию настоящего племянника. Пока, к счастью, они этого не делают.

* * *

Через два часа после этого разговора в Ашхабад позвонили из Баку.

Коротко поговорив, Ибад поблагодарил своего собеседника и вышел во двор, где Курбан-ака сидел с еще несколькими почтенными старцами.

- Можно вас на минуту, - извинился Ибад.

Старик быстро поднялся. Он был достаточно энергичен для своих семидесяти лет. Они прошли в дом.

- Звонили из Баку, - доложил Ибад, - племянник у Кафарова действительно есть. По рассказам соседей, он уехал в Турцию.

- Давно?

- Несколько дней назад. А сына Кафарова действительно арестовали.

- Когда?

- Тоже несколько дней назад.

- Куда делась сестра Кафарова, мать его племянника?

- Она уехала в район, к своим родственникам.

Старик покачал головой.

- Ты смотри, как все гладко получается. Одного арестовали, другая уехала. А наш племянник, говорят, уехал в Турцию. Может, действительно уехал, нужно было все проверить.

– Они проверили, – терпеливо объяснил Ибад, – ходили в дом к самому Кафарову. Его вдова подтвердила, что племянник действительно уехал.

– Это не доказательство, – раздраженно ответил Курбан, – уехал, не уехал. Лицо мне нужно предъявить. Пусть фотографию этого племянника сюда пришлют, пусть дадут нам его фотокарточку. Хотя нет, подожди. Проверим быстрее. Отправь прямо сейчас фотографа, и пусть он пощелкает нашего гостя. А потом по факсу фотографии передай в Баку. И пусть наши друзья проверят, действительно ли племянник Кафарова приехал к нам. Или он все-таки уехал в Турцию, а нам подставили вместо него кого-то другого. Проверь все сам. Это очень важно.

– Я понял, хозяин. Сейчас все сделаю.

Рассерженный старик вернулся к своим гостям, а Ибад поспешил искать фотографа.

Рустам в это время сидел в своей комнате и задумчиво рисовал портрет девушки. По непонятному капризу его руки изображение все время напоминало Надю Виноградову, с которой они работали уже больше года. Он старательно вымарывал набросок и начинал рисовать другой портрет. Но и другой рисунок также неуловимо напоминал Надю, и он уничтожал этот рисунок так же безжалостно, как и остальные.

Когда дверь открылась, он решил, что принесли обед. Кормили неплохо, и он не имел оснований жаловаться, если не считать своего вынужденного заточения. Но вместо привычного лица одного из его охранников он увидел маленького, лысоватого, подвижного человека, вошедшего в комнату с фотоаппаратом в руках.

– Добрый день, – весело поздоровался незнакомец, – вы разрешите мне сделать несколько снимков?

– А это для чего? – нахмурился Рустам.

– Меня попросили сделать несколько ваших фотографий, – вежливо ответил фотограф. В комнату вошли два охранника. И тот самый Ибад, которого он запомнил еще по дому Курбана-ака.

– Просто сядь нормально, и тебя сфотографируют, – мрачно посоветовал Ибад, – нам нужны твои фотографии.

– Вы, вероятно, перепутали меня с каким-то артистом, – огрызнулся Рустам, – я ведь не телезвезда.

Он обязан был до конца играть роль, отведенную ему по сценарию. Но, похоже, в этот раз произошел сбой. Они не могли предусмотреть такой вариант. Старик оказался гораздо умнее, чем они предполагали. Трюк с фотографией мог оказаться смертельно опасным для Рустама.

– Сиди смирно, – уже с угрозой приказал Ибад и, повернувшись к фотографу, махнул рукой, – давай быстрее. – Они сделали десятка два фотографий и молча вышли из его комнаты. Дверь была заперта, как и прежде.

Рустам встал, прошел в ванную комнату, умылся. Такой вариант они не предусмотрели. Похоже, ему придется принимать самостоятельное решение и бежать отсюда как можно быстрее. Неужели вся операция сорвется из-за подозрительности этого старика? Нужно придумать что-то другое, нужно выбить из привычного равновесия Курбана-ака, заставить его поверить в гостя и в итоге признать в нем «своего». Рустам задумался. Его чемоданчик тщательно проверили, прежде чем передали ему в комнату. Там не было ничего необычного. Смена белья, запасные носки, свежeweыглаженные рубашки, одна пара брюк, бритвенный набор, обычные предметы туалета. Паспорт с его фотографией и инициалами чужого человека у него отобрали. А без документов далеко не убежишь. Он огляделся. Конечно, здесь не будет никакого оружия и даже подобия оружия. Но ждать нельзя. Они могут выслать фотографии с первым рейсом. Они даже могут передать их по факсу. А уследить за каждым соседом Кафарова в Баку практически невозможно. Человек, посланный для проверки, может подойти даже к ребенку и, показав фотографию, спросить, похож ли он на дядю Маира, живущего в этом дворе. И тогда все. Конец. Крах.

Сотрудники Бюро координации были подготовлены на уровне мировых стандартов и имели в своем распоряжении разного рода технические средства. В его бритвенном наборе имелось специальное электронное устройство, позволяющее подать сигнал о помощи. Однако его следовало подавать только в самом крайнем случае. Сигнал передали бы в местную службу национальной безопасности, и его, конечно, освободили бы. Но на этом вся операция была бы

завершена. А это никак не входило в его планы, ибо он рассчитывал продержаться еще немного в этом городе.

Рустам огляделся. Нужно искать выход. Нужно придумать какой-нибудь вариант, при котором он может отсюда выйти и не разрывать окончательно своих связей с Курбаном. Этот почти невысказанный вариант он обязан придумать как можно быстрее. Если его опередят люди Курбана в Баку, то через час или два сюда ворвутся охранники с оружием в руках. И повезут его на заклание. А может, просто прибьют прямо здесь. Нужен выход. Нужно придумать, как выйти из этого положения, не прибегая к самому крайнему средству. Он обязан придумать другой вариант.

Глава 8

На этот раз собравшиеся офицеры хмуро слушали разнос, учиненный полковником Максимовым. Он говорил тихо, спокойно, но от этого его слова казались еще более обидными и справедливыми.

– Как вы могли такое допустить? – спрашивал полковник. – Одни офицеры решили, что можно возвращаться домой, а на глазах у других застрелили двоих людей. Как вы могли все это допустить?

Сидевшие за столом офицеры молчали. Сабельников, Матюшевский, Виноградова, Айрапетян, Двоеглазов. Возражать было трудно. Они допустили вполне очевидный промах.

– Это я во всем виноват, – сказал Матюшевский, – мы не предполагали, что такое может произойти.

– Операция проходила под моим непосредственным руководством, – вставил Сабельников, – значит, ответственность несущу в первую очередь я, товарищ полковник.

Несмотря на то что после августовской революции девяносто первого года прошло около шести лет, все офицеры по-прежнему обращались друг к другу с

традиционным «товарищ». Слово «господин» не нравилось никому из них, и по молчаливому согласию всех офицеров, прикомандированных к Бюро координации, они обращались друг к другу традиционно.

– Не стоит играть в благородство, – хмуро заметил Максимов, – мы собрались здесь не для этого. – Он помолчал, а потом сказал: – Давайте начнем с самого начала. Проведенная вами проверка ничего не дала. Я правильно понял? – спросил он у Сабельникова.

– Да. Мы были убеждены, что в фирме Кудрявцева не все чисто, но не думали, что дело может обернуться подобным образом.

– А вы не могли своей проверкой вызвать такую неоднозначную реакцию?

– Нет, – твердо сказал Сабельников. – Проверяли фирму сотрудники МВД. Мы просто им помогали под видом сотрудников милиции. Судя по всему, убийство Кудрявцева было заказано, но киллерам просто не повезло.

– Ничего себе не повезло, – возразил Максимов, – они убили охранника, тяжело ранили водителя. А сам Кудрявцев лежит в больнице с сотрясением мозга, да еще у него сломаны два ребра.

– Они тоже живыми не ушли, – рискнул напомнить Сабельников, – ребята, может, вначале и растерялись, но потом действовали довольно оперативно.

– Так оперативно, что всю ночь провели в милиции, – напомнил Максимов, – пока мы искали их по всему городу, а сотрудники уголовного розыска выясняли, чем занимается Бюро координации и откуда взялась эта непонятная организация. – Он посмотрел на Виноградову и Айрапетяна. – Тоже мне ковбои. Устроили стрельбу в центре города. Хорошо еще, что капитан Айрапетян не попал в другие автомобили. И кто вам разрешил стрелять в центре города по движущейся мишени? Это ведь не загородная охота на утку, за такое вас вполне могли привлечь и к уголовной ответственности. И в Москве, и в Ереване. И вы тоже хороши, – обратился он к Виноградовой, – что это за манера такая – стрелять в живых людей. С чего вы вдруг выстрелили этому киллеру в ногу? Мало было одного ранения в руку? Вы решили для верности еще выстрелить ему в ногу?

– Он не успокоился после ранения в руку, – пояснила Виноградова, – я была просто вынуждена его как-то унять. Теперь он будет знать, как стрелять в живого человека. Это ведь он хладнокровно у меня на глазах убил охранника Кудрявцева.

– И вы решили исполнить обряд мщения, – покачал головой Максимов, – по-моему, это ненужное трюкачество.

– А по-моему, она была права, – упрямо сказал Матюшевский, – таких гадов вообще отстреливать нужно. И не одну ногу, а все конечности.

– Если вы все работаете с таким настроением, то выходит, что наши офицеры ведут себя на улицах города как ковбои Дикого Запада, – прервал его Максимов, – я надеюсь, мы все помним, что являемся сотрудниками международной организации и наша главная цель – анализ возможных действий преступников и рекомендации по их ликвидации. Только анализ и рекомендации, а не стрельба на улицах города. – Он снова обвел взглядом притихших офицеров. – Теперь давайте подумаем, что можно сделать. Судя по всему, убийство Кудрявцева было кем-то заказано. Кто ведет это дело?

– Следователь Запевалов из прокуратуры.

– Нужно с ним связаться. Мы обязаны знать, кто и почему хотел убить Кудрявцева. Вполне возможно, что это связано с делом Зардани. Николай Александрович, я прошу вас связаться с прокуратурой и все выяснить самому. Если нужно, отправляйтесь туда и на месте разузнайте все подробности. Можете зайти к прокурору, если понадобится. Жалко, нет Чумбуридзе, – вспомнил Максимов, – придется в МУР поехать вам, Олег Сергеевич, – попросил он Сабельникова, – мне очень хочется знать, откуда взялся этот убийца и кто его послал. Если он, конечно, может разговаривать после того, как встретился с нашей амазонкой.

Виноградова покраснела.

– В больницу к Кудрявцеву нужно поехать вам, Виноградова, – сказал, неожиданно улыбнувшись, Максимов, – надеюсь, он испытывает хотя бы чувство благодарности к человеку, который его спас.

– У него в больнице охрана, – сказал Двоеглазов. Ему было поручено выяснить, где именно находится Кудрявцев. – Они боятся, что покушение могут повторить. Там все время дежурят два сотрудника уголовного розыска.

– Значит, вместе с Сабельниковым в МУР поедет и Виноградова, – подвел итог Максимов, – а вы, Двоеглазов, поедете вместе с Матюшевским. Что касается Айрапетяна, то боюсь, что в ближайшие несколько месяцев ему лучше сидеть в отделе и не показываться на улицах города. Если вы попадете еще в одну историю со стрельбой или аварией, мне придется писать объяснительную на этот раз самому министру внутренних дел или Генеральному прокурору. Виноградова, прошу обратить внимание на психологическое состояние Романа Кудрявцева. Мы не знаем еще, как он прореагировал на покушение и гибель своего телохранителя.

Через два часа Надежда подъехала вместе с подполковником Сабельниковым к больнице. Вместе с ними был и майор Тимошин, который занимался расследованием обстоятельств покушения на Кудрявцева. В коридоре дежурило сразу несколько человек. Двое в форме сотрудников милиции, остальные в штатском.

– Почему здесь так много людей? – недовольно спросил Сабельников. – У вас такой большой штат, что вы позволяете себе выставлять такую охрану?

– Это не наши люди, – изумился Тимошин. Он был среднего роста, плотный, плечистый, с лопатообразными ладонями и широким крестьянским лицом. Тимошин прошел к палате.

– Кто это такие? – спросил он у одного из своих сотрудников.

– Личная охрана того типа, – пояснил офицер, – по двое дежурят здесь днем и ночью. И двое еще во дворе сидят, в машине. И рядом с ним какая-нибудь баба всегда сидит. Мы возражали, но главный врач разрешил.

– Убрать этот бардак, – разозлился Тимошин, входя в палату. Рядом с раненым сидела молодая длинноногая девушка, блондинка, лениво чистящая свои ногти. В палате был установлен цветной телевизор, а держал пульт лежавший в постели Кудрявцев.

– Здравствуй, Тимошин, – лениво, сквозь зубы сказал Кудрявцев, увидев входящего майора. Девушка при появлении майора даже не пошевелилась.

– Гражданка, – строго сказал майор, – выйдите отсюда. – Девушка посмотрела на Кудрявцева. Тот кивнул головой.

– Выйди, – разрешил он, – походи погуляй пока. – Следом за Тимошиным в палату вошли Сабельников и Виноградова.

– А, явилась, – улыбнулся Кудрявцев, увидев Виноградову, – ну ты, девка, молодец. Никогда не думал, что меня баба спасет. Но, с другой стороны, это уже второй раз в моей жизни. В детстве я заболел тяжело, еще в грудном возрасте, когда нас с матерью вывозили из Харькова. Так у матери молоко пропало, и меня какая-то чужая женщина спасала. Кормила по очереди меня и своего сына. Мать даже адреса ее не смогла потом найти. Значит, меня женщина второй раз спасает.

– Смотри, какой ты у нас счастливчик, – недобро улыбнулся Тимошин, усаживаясь в кресло рядом с кроватью, – и кресла какие у тебя стоят в палате, и телевизор фирменный. – Он явно не скрывал своей «пролетарской» ненависти к такому типу, как Кудрявцев. Но и раненый платил ему той же монетой.

– Ты зубами не скрипи, – устало сказал он, – это ребята принесли из офиса. И телевизор, и кресла мои. Ты у меня в гостях, значит. Поэтому зенки на меня не тарась и зубами не скрипи.

– Ну-ну, пошутить еще, – разозлился Тимошин, – я выясню, кто тебе разрешил здесь свою охрану устанавливать и свои вещи таскать в палату.

– Иди узнавай, – кивнул Кудрявцев, закрывая глаза, – опять по мою душу явился. Ничего я тебе не скажу, Тимошин, нет у меня для тебя никаких слов. Не люблю я тебя. А ты не любишь меня. Почему я должен тогда с тобой разговаривать? Я ведь не обвиняемый, а жертва нападения. Поэтому ничего со мной ты сделать не сможешь. – Тимошин стиснул кулаки, но промолчал.

– По-моему, вам лучше отсюда выйти, – посоветовала Сабельникову Виноградова, – и заодно забрать с собой этого майора. У них явно с Кудрявцевым психологическая несовместимость. Они терпеть не могут друг друга, и он ничего

при этом майоре не скажет. – Сабельников понимающе кивнул головой.

– Товарищ майор, – сказал он, обращаясь к Тимошину, – можно вас на минутку... – Они вышли из палаты.

– Спасибо, – усмехнулся Кудрявцев, – признаюсь тебе по секрету, что не люблю таких типов. Уж очень пахнет от него «рабоче-крестьянским происхождением». А я по натуре эстет, аристократ. Мне такие типы всегда были неприятны. Садись. Мне нравится присутствие красивых женщин. Я прошу их меняться все время, чтобы не скиснуть. Это очень повышает тонус, наличие красивой женщины в палате, ты не находишь? – Она села в то кресло, где раньше сидел Тимошин. Потом посмотрела на другое кресло, стоявшее перед раненым.

– Может, мне пересесть туда, там, кажется, сидела ваша пассия?

– Оценил твой юмор, – улыбнулся Кудрявцев, – но можешь оставаться и в этом кресле. Мне твоя красота нравится несколько иначе, чем у тех девочек, которые здесь были. У тебя внутренняя красота, если хочешь, материнская. Все-таки ты мне подарила вторую жизнь. Если бы не ты и твой партнер, я бы сейчас лежал где-нибудь на Новодевичьем и надо мной бы уже собирали венки.

– А почему на Новодевичьем? – засмеялась Надежда.

– А на другом и не похоронят. Престиж все-таки. Ты не обижайся, что я сразу на «ты» перешел. Все-таки ты моя кровница, можно сказать, крестная мама. Или нечто в этом роде.

– Надеюсь, мне не придется кормить тебя грудью? – улыбнулась Виноградова.

– Что? – Кудрявцев расхохотался до слез. – Здорово. Слушай, бросай свою милицию и переходи работать ко мне. Начальником личной охраны. Три тысячи долларов в месяц будешь получать. Мало? Четыре.

– Я подумаю над твоим предложением. Только я работаю не в милиции, – ответила она.

– Ну, в ФСБ. Вообще-то я тоже подумал, что ты не из милиции. Слишком интеллигентна и очень жестока. Я видел, как ты тому типу ногу прострелила. Это впечатляло. Сотрудница милиции просто дала бы ему пистолетом в рожу, а ты решила не пачкаться. Значит, ты из ФСБ?

– Опять ошибся.

– Становится интересно, – приподнялся на локте Кудрявцев. – Так из какого ты ведомства? Неужели из Института охраны материнства и детства?

– Нет. Я из Бюро координации. Это международная организация, занимающаяся проблемами преступности в странах СНГ, – сообщила Виноградова. Кудрявцев откинулся на подушку. Помолчал немного и сказал:

– Молодец. Я не думал, что ты правду скажешь, проверял тебя. А ты молодец.

– Не нужно было проверять, – спокойно ответила Надежда, – я ведь видела, что ты играешь. – Кудрявцев повернул к ней голову.

– Зачем пришла? Говори, что тебе нужно?

– Только одно. Кто и зачем хотел тебя убить? – Он отвернулся, закрыл глаза. Молчание длилось целую минуту. Потом спросил:

– А вы не знаете?

– Примерно догадываемся, но я хотела бы услышать твою версию.

– Зачем?

Она пожала плечами:

– Странный вопрос, если ты знаешь, чем именно мы занимаемся.

– Немного знаю, – признался Кудрявцев, – вернее, слышал о твоей организации. Нечто вроде местного Интерпола. Интересно, но глупо. Если местные ничего

сделать не могут, то каким образом приезжие специалисты собираются разобраться в наших проблемах? Или в проблемах других республик СНГ? Глупо, ты не находишь?

- Не совсем, - возразила Виноградова, - проблемы у нас схожие, менталитет почти одинаковый, а преступность своя, доморощенная. Я думаю, мы быстрее пойдем друг друга с украинцами, чем с французами или немцами.

- Ну, ну, - кивнул Кудрявцев, - значит, у вас полное взаимопонимание.

- Ты не ответил на мой вопрос.

- А какой ответ ты хочешь услышать?

- Только правду.

- Я не знаю. Вернее, я пока не уверен, кто это мог быть.

- Но у тебя есть предположение?

- Есть.

- Тогда скажи, кто?

- У каждого свои враги, - философски сказал Роман Кудрявцев.

Она покачала головой.

- Я начинаю сожалеть, что оказалась в тот вечер рядом с тобой, - призналась Надежда.

Он с интересом посмотрел на нее. Потом прошептал:

- Это была судьба.

Она встала.

- Ничего больше не хочешь мне сказать?

- Вы все равно не справитесь, - убежденно сказал он, - это мое личное дело.

- До свидания, - она пошла к выходу.

- Подожди, - окликнул ее Кудрявцев. Она повернула голову.

- Я всегда долги возвращал, - прохрипел он, - не хочу быть в долгу перед тобой. На меня покушались люди Горелого. А почему именно его люди и кто им заказал мое убийство, этого я тебе не скажу. Поймите Горелого и узнайте все у него.

Она смотрела ему в глаза.

- Ну и собачья у тебя жизнь, Роман, - вдруг презрительно сказала она, - живешь с охраной, вечно всего боишься, даже девок к тебе водят под охраной. Несчастный ты человек.

Она вышла из палаты. В коридоре ее ждали Сабельников и Тимошин.

- Узнали что-нибудь? - бросился к ней майор. Она отрицательно покачала головой.

Чуть позже, уже сидя вдвоем в машине с Сабельниковым, она сказала подполковнику:

- Это были люди Горелого. Он убежден в этом.

Глава 9

Только в самолете они узнали, что летят в Ташкент. Забрав их паспорта, водитель оформил им билеты, и они пошли на посадку, пройдя предварительно обычный таможенный и пограничный контроль, уже никого не удивлявший при

пересечении границы бывших республик прежде единой страны. В самолете находилось не очень много людей, это был очень неудобный ночной рейс, к тому же они попали на разные места, из-за чего не могли даже разговаривать друг с другом. Кирилл, оказавшийся зажатым между двумя женщинами, просто заснул, откинув кресло до упора. Слава, сидевший рядом с симпатичной девушкой, улыбался ей всю дорогу, пытаясь ее разговорить. А Николай, напротив, сидел у окна и почти весь путь смотрел в иллюминатор, словно надеясь увидеть нечто неизвестное в вечерней темноте.

Сам Цапов, успевший купить в аэропорту газеты и журналы, просматривал их, время от времени оглядываясь назад, туда, где сидел внешне непримечательный и все время дремавший Раскольник. Цапов знал, что слова Горелого о его напарнике были правдой. Раскольник был не просто убийцей. Он был одним из тех редких типов убийцы, которые наслаждаются видом жертвы, кому доставляют удовольствие страдания и мучения несчастного. Садист и палач, Раскольник имел явные отклонения в психике, наводящие его на чудовищные по своей изощренности пытки для жертвы. В обычной жизни это был всегда молчаливый, аккуратный человек, немного помешанный на чистоте и всегда имевший при себе несколько носовых платков. Но при поручении ему сложного задания он преобразился, словно оборотень, превращаясь в настоящего волка.

Когда стюардесса разносила напитки, Цапов попросил налить ему стакан сока, а Раскольник выпил минеральной воды. Остальные ребята предпочли спиртные напитки. Кирилл выбрал водку, Слава взял банку пива, а Коля предпочел красное вино. Примерно через полчаса после того, как принесли скромный ужин, Цапов поднялся и прошел в туалет. Выходя из туалета, он столкнулся с Раскольником, курившим рядом с туалетами, находившимися в конце второго салона, где можно было курить. Увидев Цапова, он кивнул и вдруг спросил:

– Кто-нибудь знает про наш рейс?

– Никто. А почему ты спрашиваешь? – удивился Цапов. Обычно Раскольник никогда не задавал первым вопросов и вообще не отличался большой любознательностью. Но ответа он не получил. Раскольник просто пожал плечами и отвернулся, даже не став отвечать на вопрос Цапова.

«Типичный хам, – разочарованно подумал Цапов, проходя к своему месту. – Почему его заинтересовал этот вопрос?» – подумал он, но вскоре забыл о

случившемся происшествии.

Самолет пошел на посадку, за бортом была уже глубокая ночь. Когда попросили пристегнуть привязные ремни, Цапов вдруг почувствовал, как к нему сзади наклонился Раскольник.

- Нас будут встречать? – спросил он.

- Да, – ответил, чуть обернувшись, Цапов.

- Мы же не поместимся в одну машину, – задышал ему в ухо Раскольник.

- Значит, за нами придут две машины, – пожал плечами Цапов, не понимая, почему так волнуется его напарник.

- У меня нехорошее предчувствие, – вдруг сказал Раскольник.

- Что? – не понял Цапов, но к ним уже подходила стюардесса с просьбой пристегнуть привязные ремни.

Еще через некоторое время самолет заскользил по бетонной полосе. К трапу подали привычные небольшие автобусы для пассажиров. Цапов, не чувствуя за спиной привычного дыхания Раскольника, одним из первых вошел в автобус. Он еще увидел, как следом за ним вошел Коля. А по трапу спускался Слава, помогавший девушке, своей соседке, нести тяжелую сумку.

На пограничном контроле почти все кабины были закрыты, и лишь в двух из них сидели угрюмые пограничники, проверявшие паспорта прибывших пассажиров. Цапов прошел к стойке пограничников и протянул свой паспорт. Мрачный пограничник привычным усталым жестом взял паспорт, поднял глаза на Цапова. И что-то записал на лежавшем перед ним листе бумаги. Потом вернул паспорт его владельцу.

- Следующий, – сказал он чуть дрогнувшим голосом, и вдруг Цапов увидел, как пограничник, повернувшись назад, кивнул кому-то, стоявшему за его спиной. Отсюда не было видно, кому именно кивнул офицер, но было совершенно ясно, что кивнул он именно на проходившего пограничный контроль Цапова.

Он прошел в зал и направился к сидевшим за стойками таможенникам. Ему не понравился жест офицера, и он решил подождать остальных членов своей команды, взяв таможенную декларацию для заполнения. Когда пограничный контроль проходил Николай, офицер снова кивнул кому-то, показывая на проходившего мимо него в этот момент человека. Теперь сомнений не оставалось. На границе явно были предупреждены об их приезде. Но волноваться не стоило. Это могли быть люди, которым было поручено их встретить. Следующим, уже у другого офицера, проходил пограничный контроль Слава. Он галантно пропустил вперед девушку и лишь затем предъявил свой паспорт. И снова, уже этот второй офицер, кивнул головой куда-то назад, показывая на проходившего контроль Славу.

«Что здесь происходит?» – нервно подумал Цапов.

Слава пошел к выходу, где сидели таможенники. Он предъявил таможенную декларацию, что-то весело сказал таможеннику и вышел из зала. Кажется, все в порядке. За ним проследовал Коля, почему-то медливший с заполнением декларации. Он вразвалку подошел к таможенникам и, положив декларацию, почти сразу вышел из зала. Что было дальше, отсюда не было видно. Пограничный контроль начал проходить Кирилл.

«Почему нигде не видно Раскольника? – нервно подумал Цапов. – Пора бы ему появиться у стойки пограничников». Он взял свою сумку и пошел к выходу. Один из таможенников, азиат с раскосыми выразительными большими глазами, показал на его сумку.

– Что везешь, дорогой? – весело спросил он.

– Ничего, – ответил Цапов, – только белье.

– Тогда проходи, – засмеялся таможенник, и он, положив декларацию на столик, прошел к выходу из зала. У выхода его ждали несколько молодых людей.

– Вы Константин Цапов? – спросил один из них.

– Да.

- Пройдемте с нами.

- А кто вы такие? - В этот момент ему в бок уперлось дуло пистолета.

- Тихо, - посоветовал кто-то из «встречающих», - веди себя тихо. И отдай сумку.

У него отобрали сумку и с приставленным к ребру оружием повели из аэровокзала туда, где стоял «Икарус» с темными стеклами.

- Сюда, - приказал все тот же голос, и он влез в автобус.

В автобусе было светло. С задних сидений на него смотрели растерянные и ничего не понимавшие Николай и Слава.

- Иди к ним, - больно толкнули Цапова. В автобусе находилось четверо вооруженных автоматами людей.

- И веди себя прилично, - посоветовал тот же голос. Цапов прошел к ребятам.

- Ничего себе встреча, - пробормотал Слава, - наверное, это менты.

- Не похоже, - угрюмо сказал Цапов, усаживаясь на сиденье. Стекла были темные, и, кроме того, их закрывали темные занавески. Он хотел отдернуть занавеску, но один из охранников грозно покачал головой.

- Не трогай, - строго сказал он, - не нужно открывать.

«Действительно интересная встреча», - зло подумал Цапов. У автобуса что-то произошло. Слышались крики, ругань, потом частые удары. Через мгновение в автобус подняли избитого Кирилла. Его лицо было в кровоподтеках, губы распухли. Очевидно, он не хотел сразу лезть в автобус и решил попытаться счастья и выхватить пистолет у одного из конвоиров. В ответ его избili рукоятками оружия. Его лицо напоминало теперь застывшую буро-красную маску. Его бросили прямо на пол.

- Охраняйте, - приказал все тот же молодой голос, - а мы приведем пятого.

«Откуда они обо всем знают?» – мелькнула у Цапова тревожная мысль. Он поднялся с кресла.

– Сидеть, – крикнул один из конвоиров, повернув в его сторону автомат. Другие трое тоже насторожились.

– Я ему помогу, – сказал Цапов, наклоняясь к стонавшему на полу Кириллу. В ответ охранник сделал три шага по направлению к нему и ударил автоматом по почкам. Цапов упал на колени. Боль была дикая, казалось, нечем дышать. В глазах появились слезы.

– Черт бы вас побрал, – прошептал он, с трудом поднимаясь на ноги, – черт бы вас побрал. – Удовлетворенный охранник вернулся на место, а Цапов сел на полу, рядом с лежавшим Кириллом.

«Что же здесь произошло? – не понимал он. – Нас ведь должны были встретить. Кто эти люди? Зачем нас загнали в автобус? Если бы хотели просто убить, могли бы зарезать прямо здесь. Или вывезут для показательного расстрела куда-нибудь за город? Нет, не похоже. Скорее нас просто захватывают в качестве заложников. Заложников? Может, нападавшие хотят вытянуть из нас какие-то сведения? Где Раскольник? Неужели и он попадет так же глупо, как мы?»

Он с трудом поднялся на ноги, помог подняться и сесть в кресло Кириллу. На этот раз охранники не возражали. Один из них сел за руль автобуса, поставив рядом автомат.

«Сейчас приведут Раскольника», – обреченно подумал Цапов. Но время шло, а он не появлялся. Наконец минут через двадцать показались те, что встретили их у выхода из аэровокзала. Их было не трое, как сперва показалось Цапову, а четверо. Видимо, четвертый стоял за спинами офицеров пограничной стражи и ждал условного сигнала. Раскольника не было. Значит, ему удалось уйти.

Поднимавшиеся в автобус люди коротко переругивались. Особенно нервничал молодой, с лицом сфинкса и неприятными серыми глазами.

– Почему ты его упустил? – напал он на одного из группы, того самого четвертого, которого Цапов раньше не видел.

– А этот тип, видимо, что-то почувствовал. Он сел в автобус для депутатов. Видно, прошел с нашими депутатами, прилетевшими из Москвы. В автобусе документов не проверяют, только смотрят паспорта. Там думали, что он депутат России. А потом в депутатской он заплатил деньги и исчез. Никто его больше не видел. Они говорят, что груза у него с собой не было.

– Кретины, – возмущался молодой «сфинкс», – это был самый важный для нас человек. И мы его упустили. Ищите! Он не мог далеко уйти. – Молодой остался в автобусе вместе с водителем и еще одним охранником, а остальные пятеро выбежали из автобуса. «Сфинкс» подошел к Цапову.

– Куда он мог убежать? – спросил он у своего пленника.

– Не знаю, – честно признался Цапов, – но думаю, вы напрасно теряете время. Раз он сумел уйти от вас таким образом, то вы его не найдете.

– Торопишься умереть? – равнодушным голосом презрительно спросил молодой «сфинкс». – Ты не торопись, – посоветовал он, – хотя в твоем положении лучше умереть сразу. Если ты сегодня до утра подробно не расскажешь нам о караване с грузом, то утром будешь жалеть, что не умер сразу. Понимаешь, жалеть.

– А ты меня не пугай, – огрызнулся Цапов, – я пуганый уже. Напрасно вы, ребята, ввязались в это дело. Всех вас порешат и еще ваших боссов прибьют. Не нужно было вам становиться у нас на пути.

– Угрожаешь еще, – засмеялся молодой «сфинкс». Даже прическа у него была странная, волнообразная, начинающаяся и заканчивающаяся где-то от виска до виска.

– Нас все равно найдут, – равнодушным голосом предупредил Цапов, – и лучше, если найдут поскорее. Если мы останемся в этом автобусе долго, то вам просто отрежут головы. Вы же это прекрасно знаете. – Но его угрозы явно не действовали. Молодой человек махнул рукой, усмехнулся и пошел обратно к водителю.

– Кто это такие? – спросил Коля.

– Не знаю, – честно признался Цапов, – но боюсь, что мы не будем рады знакомству.

– Был бы у меня пистолет, – промычал Кирилл.

– Ты бы еще пулемет захотел, – огрызнулся Слава, – видишь по их ромам, что это убийцы. Чего ты с голыми руками на них полез? В героя поиграть захотел? Это тебе не показательные соревнования по боксу, они могли и голову тебе оторвать. – Кирилл хотел что-то сказать, но в этот момент в автобус кто-то поднялся.

– Его нигде нет, – виновато крикнул он по-русски, – мы обыскали весь аэропорт, его никто не видел.

– Собери остальных, – приказал молодой «сфинкс», – быстро уезжаем. Нам нельзя дольше здесь оставаться. Скажи, чтобы быстро собрались в автобус. Он может позвонить в город и привести сюда помощь.

«Почему эти все говорят по-русски? – мелькнуло в голове у Цапова. – Значит, они приезжие и специально прибыли для проведения операции». В автобус быстро набивались охранники. Когда собралось восемь человек, молодой разрешил отъезжать. Двое его людей при этом выскочили из машины. А их начальник приказал им ехать впереди автобуса, из чего Цапов понял, что была еще одна машина сопровождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/abdullaev_chingiz/standart-vozmezdiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)